

Михаил Сергеевич Остроухов родился в 1966 году в Туле. Окончил Тульский политехнический институт, Литературный институт им. А.М. Горького. Работает на промышленном предприятии. Публиковался в ряде литературных журналов и альманахов. Дипломант первого международного литературного Тургеневского конкурса «Бежин луг». Член Союза литераторов России. Живет в Туле.

Михаил Остроухов

ПОХИЩЕНИЕ ЕЛЕНА

Повесть

ПОСЕЛОК ВЕСЕЛЫЙ

Вот вы говорите: я дура. А я считаю: надо Ленку искать, надо. Вера говорит: «Сама придет». А я сомневаюсь. Вера говорит: «Куда она от такого мужа денется? Мой Жорик не муж, а золото».

Жорик — сын Веры. Он — так, ничего себе парень. Не курит. Один недостаток: мямля. Ленка — она другая. Вера склоку начнет, а Ленка ей в ответ скажет как отрежет: «Необразованная вы женщина». Вера глаза вылупит, а возразить нечего.

Так вот, вчера вечером Ленка домой не пришла. Может, Веру видеть опротивело. Может, Жорик вконец надоел, не знаю. Жили они тихо, до ругани не опускались.

Я все хожу и думаю, куда Ленка делась? Полная загадка. Нехорошо это: Ленка пропала, а дела до этого никому нет. У всех «моя хата с краю, ничего не знаю». Откуда такое равнодушные, бабки? Неужели правду про «чужую беду» говорят?

Так примерно я в тот день рассуждала. Что ж, думаю, дело в долгий ящик откладывать, надо собираться и вперед. Попила чайку с баранками, подошла к сундуку, открыла его и давай вещи доставать. Все вынула: только на самом дне нашла. Что нашла? Повязки ДНД. Из красного ситчика да с золотистой надписью

«Дружинник». От деда моего покойного достались, а откуда он взял, ведать не ведаю. Только знаю: ДНД — это порядок. Что случится, Добровольная Народная Дружина сразу тут. Власть-то, конечно, за порядком следит, но настоящий порядок только ДНД поддерживает. Когда власть спит, ДНД не дремлет. У нее всюду глаза и уши. А отсюда и уважение от людей. Поэтому многие в ДНД хотели бы записаться. Но конкурс большой, а повязки только две. Одна для меня, а вторая для Чувилки — подруги моей.

Вышла я на улицу, свежим воздухом дышу. У нас такая тишина, что слышно, как на другом конце поселка дед Михай протезом скрипит. Куда, интересно, намылился? В карты, наверно, играть с Лихоманкой-хулиганкой и Бедой-сволотой.

Дед Михай у нас еще тем прославился, что однажды на День Победы весь в орденах и медалях в клубе появился.

Я ему говорю:

— Дед, ты же не воевал!

Чувилка:

— И то верно: мал еще был.

А Михай отвечает:

— Это моего отца ордена и медали: я в Верховный Совет написал, чтобы приняли закон, разрешающий детям носить награды родителей.

— И приняли?

— Пока нет. Но должны: зачем награды без дела лежат?!

А еще слышно, как поросенок Чувилки хрюкает. Он у нее часто из сарая убегает и в окно Чувилки заглядывает. Встанет на задние ноги и смотрит в комнату через стекло. Зайдешь к Чувилке в гости, а в окне свиная рожа. Волосы на голове дыбом. Сгинь, нечистая! А потом вспомнишь про Борьку, сразу успокоишься. Еще Чувилка на поросенке ездит: в санки запрягает. А Борька рад, что свою хозяйку везет! Кажется мне порой, бабки, что звери лучше людей. Не образ наш любят, а душу. На Чувилку взглянуть страшно: все лицо в бородавках, а Борька всегда на нее с обожанием смотрит.

Иду я по поселку дальше. У нас ребята снеговиков лепить любят. Где только не понаставят. Так и кажется, что за тобой по пятам невысокие люди ходят.

Днем-то еще ничего, а ночью страшно. Как-то раз слышу сзади: хр, хр — кто-то догоняет. Ой, бабоньки, страсть-то какая! Но слышу, что-то звякнуло: тут же догадалась — это в башке у снеговика льдинка о льдинку ударилась: мысль родилась. Ну, иди, иди, дурак ледяной, своей дорогой, не мешай честным людям по ночам гулять.

Значит, шествую я по поселку: навстречу Чувилка. Когда я на ее бородавки смотрю, мне кажется, ей лицо медом намазали и ткнули в горох. Шустрая бабка, а посмотришь на нее — откуда сила берется, ростом не велика.

— Привет, подруга, — говорю.

— Привет, куда идешь?

— Ленку искать.

— Да она небось в городе.

— Разве не знаешь, в город у нас дорогу замело. — Я вздыхаю. — У меня сын в городе живет, всю зиму его не вижу: скучаю.

— Это верно, — Чувилка соглашается.

— Вот видишь, поэтому, я думаю, у нас надо искать.

— У нас все на виду, — Чувилка плечами пожала.

Пошли мы с Чувилкой вместе. Снега в этом году навалило по самые окошки. В наших краях зимы долгие. Морозы — злыдни. Это старцы такие. Из леса выходят: взлохмаченные, седые, рубашки до колен, а руки и ноги синие.

Идем мы с Чувилкой: небо голубое, ветер у себя дома дверь на щеколду закрыл и спит. У нас на поселке и люди много спят. Лето, осень, зима, весна — без разницы. Лягут осенью, встанут весной. Лягут весной, встанут осенью.

Темнеет, идем. Вдруг нам навстречу, судя по звукам, толпа, но шаги и дыхание слышно, а никого не видно. Все ближе, ближе, просто жуть. Все, думаю, приплыли. Чуть не померла от страха. Но слышу — шаги удаляются. Фу, пронесло. Неизвестные мимо прошли. Вот что у нас на поселке творится. Кто бы это мог быть, просто ума не приложу. Таинственное явление. Много непостижимого в мире, ох, много!

Я Чувилке говорю:

— Пошли ко мне, переночуем, а завтра с утра пораньше снова искать будем.

— Правильно, — она отвечает.

— А то: пока за тобой зайду — время только уйдет.

— И то верно, — Чувилка соглашается.

Постелила я Чувилке на кухне, а себе три стула поставила, легла на них — теплогреейкой укрылась, мне по моему росту и так большое спасибо. Полежала, полежала я и заснула — и снится мне Ленка, только на себя не похожая в лице: вид утомленный, словно весь день на солнце пробыла.

— Ну, здравствуй, Лена, — говорю.

— Это ты здравствуй, бабушка.

— А тебе, что же, здоровье ни к чему?

— Я по хрустальному мосточку пройду, резным ковшиком водицы зачерпну, ног не замочу.

— Да где ж это такое?

— У добрых людей...

У дороги цветок,

Золотой лепесток

В мотылька влюбился,

В лучик превратился.

— Где?

— В голубом краю,

В голубой дали,

Ой, люлю, люлю,

Ай, люли, люли.

— Как же ты там живешь?

— Живу я хорошо, все у меня есть. И потэблы, и ренаканы.

— Что ж это такое?

— Когда-нибудь узнаете. Я золотое яблочко возьму, по серебряному блюдечку покачу — и наемся.

— О поселке-то вспоминаешь?

— О каком поселке?

Тут и ежу ясно, что это не Ленка.

Проснулась я утром. По дому засуеилась. Чувилка носом рулады выводит. Словно птица уселась ей на лицо и песни распевает. Так и хочется рукой махнуть и эту птицу согнать — уж очень ее пенье на нервы действует.

— Эй, Чувилка, — бужу, — хватит дрыхнуть, уже день, вставай.

Та проснулась, глаза трет. Я на стол яичницу ставлю. Чайник уже кипит.

Вот мы с дедом моим покойным любили чайком побаловаться! Бывало, как сядем с утра — и кто кого перепьет. Он стакан, я стакан, он стакан, я стакан. Деду моему совсем плохо, он и говорит:

— Смотри, у тебя уже вода из ушей льется.

Я как прысну!

Значит, сидим мы с Чувилкой, чай пьем.

— Ну, — Чувилка говорит, — что делать будем?

— Жорика надо допросить, — я отвечаю.

Вышли мы с Чувилкой на улицу и к Вере двинулись: Жорика проведать. Подходим к дому Веры: в окне у нее что-то блестит. Наверно, Вера свои богатства перебирает: бусы отдельно, серьги отдельно, а перстни нанижет на пальцы и рукой на свету любуется: вот они и сверкают.

В дверь Веры стучим. Верка открывает: лицо у нее красивое, но хохотальник себе разъела будь здоров!

— Привет, подруга, — говорю, — нового ничего не слышать?

— А что нового?

— Я все про Ленку думаю, может, ее обманом увели?

— Кто?

— Какой-нибудь чужой человек.

— Какой еще чужой человек? У нас на поселке все свои.

— А вдруг?

— Прекрати, подруга. Вечно слухи распускаешь. Кто-нибудь глупость сморозит, а ты на подхвате.

— Какую глупость?

— Пашка Сазонов брякнул, что я бабка богатая, а ты об этом больше всех знаешь?

— Так это правда!

— Брехло. Какая я богатая, так... концы с концами сжожу.

— Ладно, подруга, не будем ссориться.

— Зачем пришла-то?

— Я с сыном твоим хотела поговорить.

Верка брови нахмурила, стоит на пороге, руки в бока уперла: такую не обойдешь. Тогда я повязку ДНД из кармана вынула и к предплечью себе ее приложила.

— Чувилка, привяжи, — говорю.

Чувилка повязку помогла привязать. У Веры сразу глаза забегали, еще сильней нахмурилась, но пропустила нас. Я вокруг посмотрела: все блестит, не к чему придираться. Хотя понятно: Верка чистюля — свихнуться можно. Для нее уборка — праздник! Правда, досталось ей однажды на орехи. Домового она загоняла: то под шкафом вытрет, то на шкафу, то в шкафу. Домовой терпел, терпел, а потом взял и сбросил Вере на голову цветок в горшке. После этого Верка, прежде чем убираться, голову полотенцем повязывает.

Прошли мы с Чувилкой к Жорикку. В комнате кровать, стол, на столе клетка, в ней белка живет, Вера рассказывала, что Ленка ее из леса принесла. Еще Вера уверяет, что белка по ночам из клетки выбирается: крупу и семечки ворует, которые Верка про запас хранит. Всю ночь Вера белку караулит, да под утро заснет — не уследит.

Давно бы Вера от белки избавилась, да Жорик не дает. Телепень, а тут уперся, говорит:

— Мне белка как память о Ленке дорога.

Когда мы зашли, Жорик на кровати лежал, руки под головой — глаза в потолок.

— Как дела, Жорик? — спрашиваю.

Жорик молчит.

— Ну, Жора, как живешь? — я снова его спрашиваю.

— Ничего, — мычит.

— Расскажи нам про Ленку.

— Зачем?

Я ему руку с красной повязкой ДНД показываю.

Он замялся, но потом говорит:

— Хорошая она была. Знаете, как поселок любила! Самозабвенно. Стихи про поселок сочиняла. «Та-та-та-та-та-та-та поселок, та-та-та-та-та-та-та веселый». Врагов у нее здесь не было. Один раз, правда, напал мороз-злыдень. Но я-то, конечно, парень не робкий, за свою жену заступился. Палку схватил и морозу по голове ударил. Мороз и упал. Лежит, не пошевелится. Я глаз ему приоткрыл, а глаз пустой. Страшно.

Жорик вздохнул и голову подушкой накрыл.

— Жорик, — я его за плечо тереблю, — что ты можешь еще сообщить следствию?

Но тот молчит как партизан.

— Спасибо и на этом, — я говорю.

Вышли мы с Чувилкой.

— Что ж, — я вздыхаю, — ничего нового мы не узнали, но отсутствие результата тоже результат.

На том и порешили.

НАУЧНЫЕ МЫШИ

На другой день иду: пасмурно, кажется, вот-вот стемнеет. Солнце в небе — пятно. словно девочка-лапушка-малышка не в настроении: прикрыла лицо шифоновым платком, сидит — куксится. Снежок порхает, словно это на небе пьяный Пашка Сазонов отряхивается (пока шел, извалялся), вот снег и летит.

Кстати, думаю, дай-ка к Пашке зайду, а то давно у него не была, может, он причастен к исчезновению Ленки. Пашка Сазонов у меня под надзором, технику любит, но все у него шиворот-навыворот выходит: ремонтирует электроутюги да электробритвы, но только после ремонта утюг жужжит, а электробритву в руке держать невозможно — горячо. Все изобретает какую-то ерунду, лучше бы на работе рацпредложения вносил. Одним словом, странный человек. Жена Анька с ним измучилась, так и говорит про него: «Мой маньяк». А за маньяком глаз да глаз нужен.

Пришла я к Пашкиному дому. Дверь приоткрыта. Кто ж ее зимой так оставляет? Я на Чувилку ругаюсь, когда она Борьку ко мне впускает: он поросенок длинный.

— Эй, — кричу в дверь, — есть кто дома?

Никто не отвечает.

— Эй, — опять кричу.

И снова тишина.

Постояла я на пороге, постояла и вошла: подозрительно ведь, что дверь открыта. Может быть, что случилось? Конечно, заходить без приглашения в чужой дом нехорошо, но ДНД — это не булка с маслом, а черствый хлеб, надо знать, что произошло.

В доме чисто. Везде полотенца да салфетки лежат, кастрюли и другая посуда по полкам расставлены, чистота, только в одном непорядок — мыши на столе!

Что они на нем делают — непонятно.

Хотя вспомнила: Пашка мне про этих мышей рассказывал, будто они дрессированные. Одна мышь черная, а другая белая, одна мышь ночью спит, другая

днем — Пашка по ним время определяет: часы в доме есть, но ему интересно по мышам, какое время суток, знать!

Хозяева отсутствуют, надо было мне сразу уйти, да засмотрелась на мышей. Тут слышу шаги: снегом скрипит кто-то; куда деваться? Неудобно, если в доме застанут. Я шмыгнула на всякий случай за вешалку и в одежде закопалась; полты до пола висят — авось, не найдут.

Слышу, входят (судя по голосам) Пашка и Вера: она тут с какого бока?! Опять козни строит?! Подслушивать тоже нехорошо, но не специально же уши затыкать!

Вера говорит:

— С чего ты взял, что я богатая бабка?

— А разве нет? Кулачок-то жим-жим.

— Ну, есть кое-какие сбережения, только богатством это не назовешь!

— Не прибедняйся, тетя Вер.

— Могу поделиться — но за это ты должен кое-что сделать. Мне капкан нужен.

Хочу его под окном поставить, чтобы вора, если полезет, поймать.

— Тетя Вер, ты в своем уме?

— В своем. Я хорошо заплачу.

— Я капканы делать не умею.

— А ты постарайся.

— Сказал же, не умею.

— Тьфу, тоже мне мастер. А это у тебя что?

— Мыши.

— Вижу, что мыши, что они на столе делают?

— Я по ним время определяю. Видишь, черная спит, а белая — нет: значит, сейчас день.

— И так ясно — в окошко посмотри.

— Это не по-научному.

— Вот дуралей!

Слышу: ушла Вера. Паша один остался, ходит из угла в угол, думаю, сейчас заметит меня, ой, заметит! Сердце мое меня выдаст: оно — стук-стук-стук. Так Вера ковры выбивает. Иной раз по часу колотит.

На поселке говорят:

— Пошла мутузить за себя и за дядю Кузю.

Сила в ней нечеловеческая просыпается! Словно пыль для нее — первый враг.

Слышу, Пашка совсем близко ко мне подошел, сердце у меня замерло, словно Вера один ковер на другой поменяла, и — снова: стук-стук-стук.

Но тут, о чудо, слышу: Пашка вышел из дома. Пронесло!

Я стою, дух перевозжу, а Пашкино пальто из кожзама мне на плечи рукава возложило, дескать, живешь ты хорошо, Ольга Ивановна, продолжай в том же духе, а вот Пашке моему передай: все, что он ни делает, — через пень-колоду.

— А ты почему знаешь? — спрашиваю.

— А кто я?

— Ну... кто в пальто.

— А в пальто кто? Никого.

Я руки сторожкой-то в рукава сунула: и впрямь пусто.

— Что, — говорю, — тогда выступаешь?

Оно молчит, обиделось, что ли?

Постояла я еще, постояла, наконец, выйти решила. Надо ж когда-то из своего убежища выбираться. Выползла с грехом пополам, да как чихну. От всей души, что называется.

Выглянула на улицу — никого, я шмыг в дверь.

На другой день вышла я из дома пораньше. Небо ясное, душа радуется: воздух

на поселке свежий. Мороз-злыдень тут как тут, нос мне хрустальной прищепкой зажал, вся-то его забота — к людям приставать, не работать. Хотя — как посмотреть: такие порой узоры на окнах нарисует — диву даешься. В венцы дерева оде нет — сказка. Я порой своему деду покойному начну что-нибудь доказывать (ну там — на дворе трава, на траве дрова или шит колпак да не по-колпаковски, надо колпак переколпаковать да перевыколпаковать), а он мне все свое: «Не верю. Где трава? Какой колпак?» Тогда я его вывожу на улицу, кругом показываю и спрашиваю:

— А в это ты веришь?

Иду, значит, я по поселку, вдруг — крики: возле магазина Вера голосит:

— Обокрали, по миру пустили!!!

Ну, вот началось представление. Вера — артистка, но ДНД не проведешь!

Подхожу ближе, Вера кричит:

— В дом залезли, пока я за хлебом ходила.

Бабки ее обступили:

— Ах, бедная ты, несчастная! Ах, бедная ты, несчастная!!!

Жалеют аферистку:

— Ах, бедная ты, несчастная!!!

Вот заладили.

Тыфу, противно слушать, знали бы они то, что ДНД знает.

Подхожу я к Вере:

— Что за шум, а драки нету? — спрашиваю.

— Обокрали меня, — Вера голосит, — весь дом вынесли. Я Пашку Сазонова просила капкан смастерить, он отказался. Я думаю, Пашка меня обворовал. Специально капкан не стал делать.

— Ты факты давай, — я брови нахмурила.

— Утром за хлебом пошла, возвращаюсь — окошко разбито: в доме все вверх дном. Кинулась к шкафу — денег нет и украшений нет, двенадцати серебряных ложек тоже нет — ничего нет.

— Во сколько ты за хлебом ходила?

— Часов в девять.

— А Жорик где был?

— На работе.

— Понятно.

— Что тебе понятно?! — Вера рыдает.

— Надо Пашку допросить.

— Я уверена, что он.

Пошла я к Пашке. Воровства-то у нас на поселке нет. Даже дверей никто кроме Веры не запирает. Очень, конечно, все странно. Вдруг — на ловца и зверь бежит: Пашка Сазонов навстречу идет. Одну руку в кармане держит, другой размахивает.

— Что, попался, преступник? — я говорю.

— Почему преступник?

— Веру Ивановну обокрал.

— Ничего я не крал.

— Она на тебя грешит. Ты ей капкан специально не сделал, чтобы самому залезть.

— Во сколько же ее обокрали?

— Часов в девять.

— Я в мехмастерской в это время был.

И достал из кармана белую мышь, показывает.

— Мышь с собой за компанию взял, а она сбежала. Все механики ее ловили. Хочешь, спроси.

— Понятно, — я говорю, — значит, у тебя алиби.

Иду я по поселку дальше, думаю: надо рассуждать логически. Пашка Сазонов отпадает, тогда кто? Может быть, случайное совпадение — настоящий вор действовал; тогда дело сложнее. Надо место преступления внимательней осмотреть. Помчалась я к дому Веры коротким путем, в пять минут уложилась. Осторожно в калитку вхожу и — под окошко: а следов там — полным-полно, словно специально топгались; хожу, изучаю. Долго хожу. Результата нет. Собралась было уже уходить, и вдруг у самого сарая увидела его. Что? Колечко. Серебряное с синим камушком. Кто-то у входа обронил.

«Ну, — думаю, — нашла след. В сарае сокровище спрятано. Видно, преступник побоялся днем ворованное нести, ночью за ним придет. Надо за сараем следить».

Пришла я к себе домой, чай заварила, села пить с баранками, ночи жду. Вышла чаю, потом в доме прибралась туда-сюда. Гляжу, а за окном темно; что ж, пора за настоящее дело приниматься, свою службу нести, потому что кто же, если не мы?

Вышла я на улицу. Мать честная, деревья небесные звездами-то как усыпаны, ветви их до самой земли склоняются. Протянешь руку — сорвешь звезду.

Хочешь, звезду-антоновку, хочешь, коричневку или красную звездочку-пепин. Съешь — в животе сразу покой, чудным голосом воспоешь, хоть и слуха нет. У нас в этом году яблок не было. Как всегда в мае яблони распустились, а тут заморозок — померзли. У одной бабы Веры сохранились, потому что она всю ночь в саду костры жгла: дымом яблони спасала. Я у себя тоже хотела, потом плюнула, бабе Вере стала помогать — сучья для костра таскать. Вместе веселей, да и у Веры такой вид был, будто дети ее погибают — спасти надо. Носилась она как угорелая:

— Больше, больше костров! — кричала.

Так всех завела, что люди потом ей большое спасибо сказали. Давно такого подъема душевного не испытывали.

Яблони не только у меня, но и на всем поселке померзли, зато у Верки — невиданный урожай! Всем поселком ходили смотреть — гордились. Вера яблоки-то с яблонь никому не давала, но которые падали, позволяла брать. И скажу я вам, бабки: никогда таких яблок вкусных не ела.

Так вот, подошла я к Веркиному дому. В сарай через щель заглядываю. Так и есть — царь Кощей над златом чахнет. Вера в дальнем углу копается, что-то борочет; со своими сокровищами, наверно, разговаривает. Смехота да и только! Деньги же — это просто бумага или металл, до чего надо дойти, чтобы их так любить!

Отошла я от сарая и встала за яблоню в саду. Вера минут через десять показала: идет с фонарем по тропинке и все назад оглядывается. Не уверена, надежно ли ее сокровища спрятаны. Что за жизнь у богатых: сплошная тревога!

Ушла Вера, я в сарай скорей шмыг: зажгла свечку, за мешками с рухлядью пошарила и вытащила шкатулку. Тяжеленькая, посмотреть бы, что там, да времени нет: вдруг Верка вернется спокойной ночи своим денежкам пожелать. В общем, перепрятала я шкатулку здесь же, в сарае, и — дёру. Ох, завтра утром повеселюсь, так повеселюсь!

Дома я сразу спать легла, но долго не могла заснуть, бабки, гордость меня распирает: эх, дед мой помер... Он бы за меня порадовался, как я следствие провела.

Дед-то меня любил, несколько лет за мной ухаживал, прежде чем мы поженились.

А было это вот так: сделал он мне предложение, а я ему в ответ толстую книгу дала. Про что — сама не знаю: не читала.

— Прочти, — говорю.

На другой день он приходит:

— Ну что, выйдешь за меня замуж?

— Книгу прочел?

— Да.
— Врешь.
— Ну, почти прочел.
— Дочитай до конца.
— Ты что, издеваешься надо мной, я сроду таких толстых книг в руках не держал.

— А эту прочти.
— Вот уперлась, ладно, прочту.

На другой день прибегает: весь сияет. Я в книге-то ближе к концу написала карандашиком: «Я согласна».

Утром проснулась я, позавтракала — и на улицу, а там красотища: ночью пурга была, карнизы обмахнула, чехлы на деревья новые надела. Хорошо! Снега на ветвях столько, что и не знаешь, как он держится, кажется, закон земного притяженья ему не писан.

Я прутик нашла и начертала на снегу: «Дура». Буковки ровные, наклон соблюден. Красиво получается! Да какая же я дура?! Бабу Веру вокруг пальца обвела. Ха-ха!

Иду. Поселок пробудился. Мать-царица, у нас голуби летают да голубицы. Мне хоть дворец предложи, хоть ларец — никуда из поселка не поеду. Воздух у нас здесь какой! А на солнцепек выйдешь — так волны по телу и прокатываются, словно стоишь голенькая, а сверху тебя из ковшика теплой водичкой поливают.

Иду, вдруг вижу: Вера бежит. Платок набок съехал, губы сжаты, а ноздри как у рысака раздуваются.

— Куда торопишься, подруга? — спрашиваю.
— Убивать иду, — Вера зубами скрипит.
— Кого? — делаю я вид, что не понимаю.
— Пашку Сазонова.
— Чем же он провинился? — строю из себя дурочку.

— Богатства мои украл.

— У него алиби.

— В другом месте уже украл.

— Почему он?

— Потому что на месте преступления мышь осталась. Только он с мышами возится.

— Какая мышь: черная, белая?

— Дохлая.

— Во дела!

— Все, пошла убивать.

— Подожди, — говорю, — знаю я, где твои сокровища. Только ты сначала правду скажи, ведь никто тебя в первый раз не обворовывал? Сама все в сарай отнесла.

— Как ты догадалась?

— Колечко нашла. — Я кольцо достала. — Держи.

— Вот любопытная Варвара, во все нос суешь.

— Для чего ты это устроила?

— Чтоб настоящие воры думали, что у меня уже все украли. Ну, говори, где сокровища?

— В сарае, в другом углу за бочкой. Я перепрятала.

— Вот воруга. Я тебе еще это припомню!

— Сама обманщица.

— Подальше положишь, поближе возьмешь! — Вера в ответ.

Побежала в сарай, а я иду и думаю: откуда на месте клада дохлая мышь взялась? Не иначе от смеха померла, видя, как я над Веркой подшутила.

ОКОПНАЯ ВОЙНА

Я шершавой пяткой почесала голую ногу: на кровати лежу, вставать лень. Наконец, поднялась. За окном зима плачет — капель по подоконнику барабанит. Посмотрела я на улицу: пасмурно, оттепель на дворе. Вокруг деревьев проталины. Многие снеговики головы потеряли, стоят — развалины.

Я зевнула и радио включила: там концерт по заявкам, Кобзон поет. Вдруг в радио что-то щелкнуло, и гундосый голос произнес:

— Жители поселка, прослушайте важное сообщение. НАТО объявило нам войну. В окрестностях поселка возможна высадка вражеского десанта. Необходимо принять все меры для его отражения. В этот тяжелый час сохраняйте выдержку и спокойствие. Наше дело правое — мы победим!

Радио снова щелкнуло и замолчало. Я стою, ушам своим не верю. Потом оделась — и на улицу: узнать, что народ говорит. Наверно, сейчас все эту новость обсуждают. Ох, матушки мои, что ж теперь будет?! Даже в голове не укладывается: война!

Смотрю: у магазина толпа. Я быстрее на собрание.

Вера выступает:

— Братья и сестры, не позволим врагу топтать нашу землю! Отстоим Родину! Да здравствует наш поселок!

— Что делать-то? — Пашка Сазонов из толпы кричит.

— Окопы рыть. — Вера брови сдвинула.

— Где?

— За околицей.

— А где нам оружие взять? — Пашка спрашивает.

— Нам его с самолета сбросят, — Вера уверенно отвечает.

— Ну, давайте, за дело, — Пашка руки потер.

Через полчаса у всех уже лопаты были, кое-кто ломы принес. Вера палкой линию окопа начертила. Принялись мы за работу. Хоть и оттепель, но все равно землю долбить приходится: тяжело идет.

Я уморилась — стою, о лопату оперлась.

— И почему люди воюют? — говорю.

— Никто работать не хочет, а вкусно есть все хотят, — Пашка хохотнул; сам — как экскаватор работает: земля только в сторону отлетает.

— Чтоб этим натовцам лопнуть! — я снова за работу взялась.

Пашка выпрямился и сказал стихами:

— Ракетчики, ключ на старт!

Наивно думать, что можно с американцами ударить по рукам.

Они Вьетнаму простят Вьетнам.

Нам Вьетнам не простят никогда!

Люблю я общественный труд: сразу видно, кто лодырь по жизни, а кто труженик.

Я спину разогнула, взглядом линию окопов окинула: людей много — это хорошо!

— Ничего, — говорю, — в сорок первом страну отстояли — и теперь отстоим.

— Веселей, ребята, — Вера подбадривает, — покажем натовцам кузькину мать, пожалеют, что к нам сунулись.

— Оружие-то где? — Пашка снова спрашивает.

— Копай, копай, сбросят.

— Ох, мне бы пулемет, — Пашка кричит, — вот я бы повеселился.

— Интересно, а негры среди натовцев будут?

— Будут, — Пашка усмехается, — только их не сразу заметишь. У них полоски белой краски на лице, чтобы маскироваться: снег кругом, а они же командос.

Копаем мы, копаем, навалились всем миром. Даже дед Михей одноногий при-

култыхал. Ружье старое притащил. Сам копать не может, но землю помогает выгребать, за одно старание ему уважение. Молодежь тут же крутится: Юрка Юрчиков со своими дружками.

Копаем мы дальше окопы; углубляемся, так сказать в проблему, вдруг слышим: хрю-хрю. Чувилка на Борьке скачет.

— Эй, подруга, — кричу ей, — что опаздываешь, сейчас закон военного времени действует.

— Почему военного? — Чувилка спрашивает.

— Ну ты даешь, по радио нашему поселку войну объявили, а ты не знаешь.

— У меня радио нет.

— Вот темнота, — я вздохнула.

— Дайте лопату, — Чувилка просит.

— Возьми, — Пашка ей свою подает, — я пока отдохну.

Чувилка за работу принялась, а Пашка из окопа вылез, на корточках присел и Борьку за шею обнял:

— Ну что, Борька, повоюем?

— Хрю, — поросенок отвечает.

— Чувилка, оставь его с нами, у нас на фронте каждое рыло на счету, — Пашка просит.

— Хрю-хрю, — Борька хрюкает.

— Вот он согласен, сразу видно, боевой парень.

— Молод он еще по человеческим меркам для армии, — Чувилка говорит.

— Ты смотри: он в бой рвется, — Пашка крепче Борьку за шею обнимает.

— Хрю.

— А я на ком ездить буду? — Чувилка выпрямилась.

— Родина в опасности, а ты о себе думаешь, — Пашка ее упрекнул.

— Я связная, — Чувилка гордо отвечает.

Пашка снова в окоп прыгнул — свою лопату взял.

Вера кричит:

— В полный профиль копайте, в полный профиль.

— Копаем, — я ворчу, — а ты что отлыниваешь?

— Я вам сейчас обед принесу.

Сказала и убежала.

Я копаю, а сама рассуждаю: вот когда о немцах думаешь, первое, что представляешь, — они в пивной пиво пьют, о бразильцах — они в футбол играют, а о русских — они в окопе сидят: атаку отражают, из ружей палят и гранаты под танки бросают. Может, я фильмов много о войне посмотрела, но именно так себе представляю и никак по-другому. Поэтому копаю и радуюсь: окоп — дело привычное.

Не соврала Вера: обед принесла. Бидон с борщом и корзинку с хлебом из дома тащит. Что это с ней: расщедрилась, уж не заболела ли? Просто не узнаю Веру. Неужели общая беда так ее изменила?

— Ешьте, ешьте, — Вера борщ в тарелки наливает, — с хлебушком сытненько.

За последнее слово я Веру убила бы, но дело Верка доброе делает, поэтому пусть пока живет. Я себе тоже тарелку дымящегося борща взяла. Нужно подкрепиться, а то с утра мерзлую землю долблю: мозоли на руках. Подлые натовцы не могли до весны подождать. Нам бы легче было окопы рыть.

— Подозрительно, подруга, что так стараешься, — я Вере говорю.

— Дом мой рядом, — Вера отвечает, — кому, как не мне, кормить?

— И то верно, — Чувилка поддакивает.

Поели, Вера пустые миски собрала и говорит:

— Но если клад найдете, тоже мой будет.

— Вот в чем дело! — у меня вырвалось.

— Почему твой? — Пашка ложку облизал.
— По международным правилам о примыкающих территориях.
— Нет таких правил, — я говорю.
— Спорим, — Вера на меня зыркнула.
— Сама выдумала, — я ей отвечаю, но спорить не стала.
— Есть такие правила, я тоже читал, — Пашка Веру поддержал.
Гляжу, он Вере подмигнул: дескать, полклада мои.
— Да кто здесь может клад закопать? — я у виска пальцем покрутила.
— Древние народы, — Вера со знанием дела говорит.
Я снова у виска пальцем покрутила.

Копаем дальше. Вдруг Жорик явился. Где раньше был? Лентяй; хуже — из-менник Родины. Мы тут мерзлую землю долбим, а он дома баклуши бьет. Жорик вдоль окопов идет, со мной поравнялся, я ему кричу:

— Жорик, проспал, что ли?
— Нет, — Жорик отвечает, — кончайте работать.
— Это как? — я удивляюсь.
— Война кончилась? — Пашка на лопату облокотился.
— Ее и не было, это я в радиорубке объявление сделал.
— Да как ты смел, болван, такими вещами шутить? — я ору.

— Простите, но теперь я точно знаю, что Ленки на поселке нет. Если бы она здесь скрывалась, то не выдержала бы: вышла бы окопы рыть, ради поселка она бы все обиды простила.

— Вот дурень, ничего лучшего не смог придумать.
— Да мы тебе сейчас бока намнем, — Пашка кричит.
— Бейте, мне все равно, раз Ленки уже не найти.
— Не скули, найдем, вокруг поселка снега непроходимые, куда ей деться?
— Нет, она окопы рыть вышла бы, — Жорик опять за свое.

Мужики вокруг Жорика собрались, впрямь его побить хотели, но у Жорика такой вид горестный был, что ни у кого рука не поднялась первым ударить. Рука не поднялась, а нога да. Я ему пинка дала, он с этим домой и пошел.

Злюсь я на него, а самой жаль парня, понимаю его горе, с такого горя вообще крыша поехать может.

Люди стали расходиться, а дед Михай из окопа не вылезает.
— Эй, — кричу, — дед, иди домой.

Но Михай головой показывает: нет:

— Здесь мое место.
— Нет никакой войны, разве не слышал?
— Уходите, и один в поле воин.
— Хватит дурить.
— Подай ружье, — дед Михай меня просит.
— Ребята, тащите его из окопа, а то к ночи околеет, балда.

Мужики меня послушались, вынули деда Михея из окопа и понесли на руках. Он брыкается, назад хочет:

— Отец мой воевал, и я буду, — кричит.
— Нашелся вояка, — я у виска пальцем покрутила.
— Я хочу Родину защищать, — дед Михай не унимается.

Юрка Юрчиков засмеялся:

— Как Карла Двенадцатого под Полтавой раненого в ногу несут.

Это он к чему про Карла? К тому, что дед Михай росточком невелик?

Унесли деда Михея, я тоже домой направилась — устала землю ворочать, но рада, что войны нет. Надо чайку попить, отдохнуть: вечером дежурство. ДНД всегда на боевом посту обязана быть.

Иду, смотрю, как змейки ручейков серебрятся, но уже подмораживать стало: скоро они неподвижно замрут. Но час пробуждения природы уже близок. Один из признаков — собачьи свадьбы. За Рыжей — корогод ухажеров. Даже мелочь пугающая, которой ловить нечего, в хвост пристроилась. Скорей бы весна, думаю, вот тогда я расцвету. Ведь я только притворяюсь человеком. На самом деле я — растение. Мне много света нужно. А весной солнышко пригреет, вы меня не узнаете, бабки: на лице у меня все морщинки разгладятся, кровь в теле забурлит.

Сажу я дома, чай пью. Вдруг вижу в окне свиное рыло, потом рыло исчезло: лицо Чувилки появилось. Она мне что-то знаками показывает. Я выбежала на крыльцо.

— Что случилось? — спрашиваю.

Чувилка на санки вскочила, только успела мне сказать:

— Бой идет, — и понеслась в сторону окопов.

Какой бой, хоть бы объяснила, зараза. Она, конечно, бабка немногословная, за каждым словом в карман лезет, но бывают случаи, когда обязательно надо растолковать, что к чему. А так брякнула: «Бой идет», а ты и ломай голову: кто с кем воюет? Вдруг и вправду натовцы напали, а мы, дураки, окопы не стали до конца рыть. Жорик-то, может, и вправду предатель Родины, его специально к нам подослали, чтобы он работу остановил. Ох, как все запутано, надо разбираться. Ничего, ДНД разберется.

Хорошо, хоть вообще окопы рыть начали, мужики в них сейчас отбиваются. Надо на помощь бежать, может, в окопах уже и нет никого, все погибли. Тогда я одна сражаться буду, пока силы есть. Вот только плохо, если контузят и я сознание потеряю, а меня в плен возьмут. Приду в себя, открою глаза, а передо мной — негр-командос с полосками белой краски на лице:

— Говори, рюсский бабка, где у вас тут нефть?

— Ничего я вам не скажу, — я отвечу, — а нефти у нас здесь отродясь не было.

— Мы хотим вам дарить демократия, — негр скажет.

— Что-то вы щедрые.

— Что есть щедрые?

— А то, что бесплатный сыр только в мышеловке.

— Драть тебя надо, рюски бабка.

— Инопланетяне тоже хотели драть.

— Они были тут?

— Были.

— А у них есть демократия?

В общем, воображаю себе разговор с натовцем, а сама к окопам бегу.

Отстоим поселок, не можем не отстоять. И снова станет у нас жизнь, как прежде. Баба Вера, зараза, только все портить будет, снова начнет мухлевать. Ну, ничего, мы ее на место поставим, ДНД-то на что. Подбегаю я к окопам, а там и вправду бой. Юрка Юрчиков в окопе с дружками, а на них старцы-морозы синеногие в атаку по полю бегут. Ребята снежки в них кидают, в кого из морозов попадут, тот падает. Весело!

Преемственность цивилизаций

Проснулась я утром от того, что кто-то в окно стучит. Гляжу: Чувилка, а у нее из-за спины Борька выглядывает. Я дверь открыла, Чувилка говорит:

— Тебя милиция вызывает.

Я заволновалась: мало ли что... Но раз вызывают, надо идти.

Собралась и пошла. Иду, иду... Но ведь надо идти. Милиция — власть, как не идти. Но что-то шаг все короче и короче. Я перед начальством робею. Милиционер наш Андрей Петрович порой так взглянет, что под землю провалишься. Но делать нечего, надо входить. Постучалась в отделение, ответа нет. Вошла, в коридоре пусто, только фуражка милицейская на тумбочке лежит.

— Здраствуйте, — я ей говорю.

Фуражка молчит.

— Доброго времени суток, — я снова говорю.

Фуражка ни звука.

— Так я, может, пойду? — спрашиваю.

— Ты с кем разговариваешь, — Андрей Петрович из комнаты вышел.

— С властью.

— Я власть, — Андрей Петрович басит.

Милиционер у нас толстый, когда стоит, руки к бокам не прилегают, кажется, что он подушки под мышками держит.

Андрей Петрович говорит:

— Знаю, что ты во все нос суешь, узнала что-нибудь про Ленку?

— Никаких следов.

— Жорик заявление написал о пропаже.

— Давно пора.

— Узнаешь что, мне скажи.

— Конечно, — я головой киваю, — только я думаю, нет ее на поселке, Жорик прав, она бы окоп вышла рыть.

— Было бы снега поменьше, — Андрей Петрович вздохнул. — Мы бы лес прочесали.

Вышла я из милиции, а сама думаю, что Ленка в лесу забыла. Если только ее силой в лес увели. Кто? Снежные люди. Как я сразу об этом не подумала!

Как-то раз вышла я за околицу и увидела на снегу следы босых ног. И размер-то ого-го. Ног такого размера ни у кого на поселке нет. Хоть у нас мужики все как на подбор видные, один дед Михай — коротышка.

В общем, решила я по этим следам пойти. Они в лес ведут. В лесу снега по колено, два шага сделаешь — стоишь, отдыхаешь. Шла-шла я и к стоянке снежных людей пришла. А там этих чудиц — шесть голов. Самцы у них крупные, серого цвета, а самки помельче, светло-бежевые. Кружком сидят на полянке, но костра у них нет. Тот снежный человек, по следам которого я шла, курицу принес, они ее так сырую и съели. Так вот кто у бабы Веры кур ворует. А мы думали, это лисы промышляют.

Прибежала я на поселок и все про снежных людей рассказала. Но мне не поверили, душой назвали. Один дед Михай серьезно отнесся, спросил:

— А половые признаки у них видны?

— Какие признаки? Шерсть длинная.

Вот я и подумала: может быть, это снежные люди Ленку в плен взяли? Хотя за столько лет, что рядом живем, они мне только один раз на глаза попались: пугливые очень. Людей стороной обходят.

Пришла я домой, хозяйством занялась, вечером на дежурство, охо-хо. Порой не хочется, а надо, без ДНД дело швах. Но погода испортилась: такая пурга поднялась, что нос на улице не высунешь, а высунешь — тетка-метель начнет тебя так ветром стегать, словно пыль из матраса выбивает. Поэтому лучше дома сидеть, чай в тепле пить. Все так и делают.

Нет, не все. Кто-то в окошко постучался. Я подошла посмотреть: батюшки мои, в окне рожа, да не Чувилки... Кого? Снежного человека.

Сосульки на усах и бороде, из-под низкого лба глаза смотрят, как у собаки, которой пинка дали. Снежный человек показывает мне что-то рукой, вроде как войти просится. Ага, чего захотел! Так я и пущу зверюгу. У него рожа во все окно.

Но снежный человек глаза еще жалостливее сделал. Смотрит, чуть не плачет. Пусти, рукой показывает. Думаю, может, ему что-то сообщить мне надо, вдруг от

Ленки весточка. Эх, будь что будет. Пуцу. Вообще-то, если бы он захотел, то дверь бы сам выломал. Но он вежливо просит впустить. Кто же его воспитывал?

Открыла я дверь: снежный человек и вошел. Как собака отряхнулся — снег во все стороны полетел.

— Добрый вечер, — говорит, — спасибо, что пустили.

Я так и обомлела: снежный человек по-нашему шпарит.

— Не удивляйтесь, Ольга Ивановна: когда вы в лес ходите, мы вас подслушиваем, вот и научились по-русски говорить.

— Мать честная, во дела, — я все равно удивляюсь, — ну проходи, садись за стол, если зашел.

Гость сел. Я ему тарелку с баранками пододвинула и в чашку чай налила:

— Пей.

— Спасибо, Ольга Ивановна.

— Зачем пожаловал? — я напротив снежного человека села.

— Погреться хотел.

— Всего-то!

— Пурга — видишь, какая?...

— А в поселок небось за курицей пришел.

— Зима — тяжелое время, — снежный человек вздохнул.

— Я бы тебя не пустила, но вопрос у меня к тебе есть.

— Спрашивай.

— Женщина у нас на поселке пропала. Ленкой зовут. Не вы ее умыкнули?

— Ваши женчины не в нашем вкусе, вот если бы у них бороды еще были...

— А в лесу ее не видели?

— Нет.

— Понятно. Ну, погрелся — иди, — я снежному человеку говорю.

— Ольга Ивановна, — он ко мне обращается, — научите нас дома строить.

— Я в этом ничего не понимаю. Этот дом дед мой покойный строил.

— Хороший дом, — снежный человек сказал с завистью, — Ольга Ивановна,

разрешите я хоть на пороге переночую.

Польстило мне, что он о доме хорошо отзывался,

— Ладно, — говорю, — ложись на коврик в коридоре.

А сама за тряпку взялась — лужа со снежного человека натекла, надо подтереть. А потом спать легла, утро вечера мудренее. А перед сном думала: значит, Ленки в лесу нет. Не надо лес прочесывать, когда в нем свои агенты есть. А что снежный человек не врет, я уверена, ведь я тоже никогда не вру, а честный честного видит издалека.

Проснулась я оттого, что псиной в доме пахнет. Снежный человек за ночь окончательно оттаял. Вскочила я с кровати, надо быстрее гнать его. Смотрю, а он на коврике в коридоре в калачик свернулся и губами причмокивает. Конечно, в доме лучше спать, чем в берлоге.

— Эй, — бужу его, — не пора в лес?

Снежный человек проснулся, потягивается.

— Спасибо, Ольга Ивановна, хорошо поспал.

Я чайник разогреваю: ешь, пей — и айда.

— Можно, Ольга Ивановна, задержаться, — снежный человек просит, — я дом ваш осмотреть хочу. Может, и мы себе такой построим.

— Ага, размечтался... — я смеюсь, — сначала цивилизацию создайте.

— А что для этого нужно?

— Ну, письменность придумать. Начните с летописей...

— А что записывать? В год такой-то украли столько-то кур?

— Кур прекращайте воровать.

— Зима — время тяжелое.

— Ты мне зубы не заговаривай. Давай, собирайся. Как говорится, дорогие гости, не надоели ли вам хозяева?

— Ольга Ивановна, зачем Вы меня гоните, в кои-то веки у Вас с умным человеком возможность поговорить появилась.

— Кто тут человек?

— Значит, что умный — вы не спорите?

— Как ты мне надоел!

— Ольга Ивановна, а в Бога вы верите?

— Ты откуда о Боге знаешь?

— Вы мне расскажите, у нас пока, как у первобытной культуры, зачаточные представления о том свете.

— Вот тебе Бог, а вот порог, — я на дверь показываю.

— А ведь могли бы нашими учителями стать: так сказать, преемственность цивилизаций.

— Ты на что намекаешь?

— Всякое может случиться.

— Ты меня пугаешь?

— Нет, но мало ли...

— Вы когда кур перестанете воровать, преемники?

— Жить как-то надо...

— Уйдешь ты, наконец, или нет?

— Ну, хоть до вечера посижу, в лесу холодно...

— Тогда я уйду.

Вышла я из дома, пурга улеглась, солнце низко стоит. После снегопада — красота: синие тени от деревьев на снегу и золотые дорожки от солнечных лучей, которые нашли в кронах лазейки. Первым делом я, конечно, к Чувилке пошла, чтоб она на Борьке всех объездила и на совет пригласила. Пусть скажут, как мне с незванным гостем быть. Мой дом захватил, я теперь не знаю, что делать. Через два часа на совещание прибыли (перечисляю по списку): первая — баба Вера, вторая — Чувилка, третий — дед Михай, четвертый — Борька (свин полка). Остальные все заняты. Спрашивается, чем? У нас на поселке дел никаких нет. Ну, может быть, Пашка Сазонов один при деле: опять выдумывает никому не нужное. Ну ладно, буду советоваться с теми, кто есть.

Вера вошла, принялась:

— Что-то псиной пахнет.

— Сейчас расскажу, — я говорю.

Сели мы у Чувилки на кухне за стол. Кроме Борьки, конечно: тот у ног Чувилки лег.

Я по порезанной клеенке пальцем поводила и начала совещание.

— Уважаемые соседи, я не могу в своем доме находиться.

— Это почему? — Чувилка спрашивает.

— Выживают.

— Кто?

— Чудище лесное, — я вздохнула.

— Какое чудище? — Вера нахмурилась. — Говори толком.

— Снежный человек. Я его погреться пустила, а он уходить не хочет.

— Так это от тебя псиной пахнет, — Вера догадалась.

— С таким вонючим неприятно жить, — Чувилка головой кивает.

— Я и не хочу.

— А может, его в бане помыть, — Чувилка на меня глаза подняла.

— Ты и помой.

— Я не могу, у меня Борька.

— Значит, вопрос: как его прогнать?

— Что за проблема, — Вера говорит, — сейчас пойду и прогоню. Пусть только вякнет, он у меня вверх икать будет.

Вера встала и ушла, а я думаю: как это вверх икать? И почему именно вверх? Я лицо вверх подняла и попробовала икнуть. Очень неудобно. Поэтому, наверно, и плохо.

— Как же ты не испугалась с чудищем ночью в доме? — дед Михай спрашивает.

— Я ножик под подушку положила.

— Да у него ручки какие!

— У него цивилизационный рост.

— Чего?

Но тут Вера вернулась.

— Ну? — я спрашиваю.

Она села за стол; видно: довольная.

— Ну? Выгнала?

— Нет, — Вера улыбается.

— А что радуешься?

— Он кур моих обещал не воровать.

— А мне-то что делать?

— Пусть живет.

— А псиной ты будешь пахнуть?

Вера только рукой махнула. Ладно, как-нибудь, когда она из дома уйдет, я собак бродячих к ней заману, посмотрим, как долго она плевать будет.

— Ну что делать, — говорю, — посоветуйте?

Чувилка говорит:

— Иди домой и тряпку какую-нибудь там подожги. Так, чтобы дым повалил; может, он пожара испугается и убежит.

— Ага, а если я не рассчитаю и дом сожгу?

— И то верно, — Чувилка соглашается.

— Думай, когда советуешь.

Чувилка только вздохнула.

— А ты, Михай, что молчишь? — я спрашиваю.

— Думаю, — дед отвечает.

— Ладно, пойду домой, попробую еще раз на него повлиять.

— Ты скажи ему через пять минут, чтобы он в окно посмотрел, — дед Михай мне вслед крикнул.

Ворвалась я в дом:

— А ну, выметайся, друг ситный.

Снежный человек сидит за столом, усы и бороду одной лапищей гладит, а другой — чашку держит, чай пьет:

— Хорошо, чаек.

В банку варенья, которая перед ним стоит, палец запустил, вынул и облизывает. Видно: цивилизационный процесс еще в самом начале.

— Ольга Ивановна, — спрашивает, — как думаете, вы на Марсе побываете?

— Я сейчас тебя убью! — я ору.

— Значит, нашей цивилизации на Марс лететь придется, — снежный человек вздохнул.

Я за табуретку схватилась, но вовремя вспомнила, что мне дел Михай вдогонку кричал.

— Захватчик, посмотри в окно, — снежному человеку говорю.

— Что там?

— Посмотри, — а про себя думаю: «Откуда ж я знаю?»

Снежный человек встал из-за стола и к окну подошел. Я у него из-за плеча выглядываю — самой любопытно, что там.

Сначала ничего не было видно, потом от бочки до сарая кто-то пробежал. Ростом небольшого, лохматый, цвета светло-бежевого. Снежный человек явно заинтересовался. Но пробежавший за угол скрылся. Снежный человек к двери пошел: видно, ему любопытно, кто с ним в прятки играет. Открыл дверь, вышел на крыльцо, смотрит по сторонам — где мохнатый?

И тут меня осенило: ведь это карнавал. Дед Михей тулуп овечий вывернул и наизнанку надел. В нем и бегают. А цвет-то у овчины светло-бежевый, как шкура у самок снежного человека. Мой гость-то и подумал, что это его подруга лесная за ним следит. Ну, голова дед Михей, выманил лесное чудище. Тоже мне, цивилизацию создавать собрался.

Я дверь за снежным человеком тихонечко закрыла — и на засов. Он на шум обернулся, да поздно. Гуляй, Вася, убирайся восвояси.

ОСНОВЫ СЛЕЖКИ

Иду я, бабки, по поселку. Снежок медленно падает, еще медленнее падал бы, да некуда, а медленно, потому что снежинки только в полете живут. Я вот думаю, планета наша все-таки неприветливая: кусок хлеба на ней с трудом достается, а красоты много, на каждом шагу — ходи, любуйся. Это все равно, что гостей в дом позвать, а салатницы хрустальные на стол пустыми поставить и в фужеры вина не наливать. Посмотрели на красивую посуду — и ладно, гости дорогие, ну, может быть, пюре картофельного по ложке положу. Сами посудите, бабки, как я выглядеть при этом буду. А планете ничего, даже вида не показывает, что стыдно. Вон как снег искрится: красота, а угостить — жаба душит. Нет чтобы колбаса на деревьях росла: хочешь есть — только руку протяни.

Иду я, бабки, по поселку и думаю. О чем? Конечно, о Ленке. Надо поиски продолжать, а никаких идей нет. Хотя нет, есть одна мысль. Чтобы понять, куда Ленка делась, надо думать, как Ленка. А чтобы думать, как Ленка, надо понять, в каких условиях она росла. Короче, со школы начать. Надо на уроке посидеть, послушать, какие истины в головы молодежи вкладывают. А потом вывод сделать, какой такой фортель Ленка выкинула, после всей этой учебы, что ее и след простыл.

Не откладывая, пришла я в школу и сразу к директору в кабинет. Так, мол, и так, хочу на уроке присутствовать, знания обновить. А то забыла, в каком году Куликовская битва была. Директор Семен Авксентьевич мне на стул указал:

— Садитесь, пожалуйста, любезная и многоуважаемая Ольга Ивановна. Для меня большая честь видеть в стенах школы такого достойного человека. Но позвольте узнать, зачем вам нужно сидеть на уроке? Если хотите вспомнить дату Куликовской битвы или еще что, возьмите учебник истории, или, хотите, я вам скажу.

— Нет, я хотела бы посидеть за партой.

— Но это не положено.

— Помните, вы обещали любую мою просьбу выполнить.

Семен Авксентьевич вздохнул:

— Ну, тогда я скажу ученикам, что вы проверяющая из попечительского совета школы.

— Пусть будет так.

Школа у нас на поселке небольшая, комнаты печами отапливаются. Я вошла в старший класс. Семен Авксентьевич вслед за мной зашел, говорит:

— Дорогие ребята, сегодня на уроке будет присутствовать Ольга Ивановна,

проверяющая из попечительского совета школы. Ведите себя хорошо и покажите, на что вы способны.

Семен Авксентьевич ушел, а я на заднюю парту села рядом с Юркой Юрчиковым:

— Какой у вас урок, — спрашиваю.

— Методы конспирации, — Юрка вихор пригладил, а зрачки его немного забегали.

— Такой урок?

— Да, а что?

— Странно, что этому в школе учат.

— Но ведь у нас школа непростая.

— А какая?

— Разведшкола.

— Ты шутишь?

— Нет.

Юрка по парте костяшкой пальца постучал: один раз, потом два раза быстро, потом снова один удар и два раза быстро, потом снова один раз, пауза, один раз, потом два раза быстро. Отстучал, а ему с передней парты отвечают: один удар, два, потом два раза быстро, снова один удар, снова два раза быстро.

— Что это? — я спрашиваю.

— Азбука Морзе, мы ее тут изучаем. В центр донесения по радиции слать.

— А разве рацией до сих пор пользуются?

— Ты самоваром иногда пользуешься?

— Пользуюсь.

— Может, и нам радиция пригодится.

Тут в класс Семен Авксентьевич вошел:

— Ребята, заболела учительница, поэтому урока не будет. Я отпускаю вас домой. Но выходить вы должны по одному с интервалом в пять секунд.

— Это тоже метод конспирации, — мне Юрка шепнул.

— Все ты врешь, — я отвечаю, — не стыдно над пожилым человеком смеяться?

— Я правду говорю. Мы и английский здесь хорошо учим. A fool sees a fool from afar.

— Что это значит? — я спрашиваю.

— Значит: приятно поговорить с умным человеком, — Юрка засмеялся.

— А почему я никогда о разведшколе не слышала?

— Мы же засекреченные, — Юрка вид сделал важный.

Вышла я вслед за учениками из школы, все по поселку разбрелись, я тоже к дому лыжи наострила. Иду и думаю: ясен пень, Юрка заливает. Разведшкола, да на нашем поселке? Не может быть. Потому что, если Юрка правду говорит, тогда все на поселке разведчики, ведь все в школе учились. Все, кроме меня, я после замужества сюда приехала. Может быть, из-за того что не местная, ничего о разведшколе не знаю. Чудно, бабки: вы тоже, если Юрка не врет, разведчицы, под прикрытием живете. Куда это вы уходите? Дела? Может, я угадала? Ладно, шучу. Конечно, я Юрке Юрчикову не верю, он известный хохмач. Как меня с инопланетянами за нос водил!

К дому Веры подхожу, смотрю: Чувилка на Борьке к ней во двор заехала. Интересно, что это Чувилке от Веры нужно. Надо узнать. Конечно, подслушивать нехорошо, но у нас в ДНД тоже служба собственной безопасности есть. Догадайтесь, кто в ней. Отодвинула я доску в заборе и шасть во двор Веры. К дому близко подойти не могу, но из-за сарая слушаю. Все не разобрать, но самое главное услышала: Чувилка к Вере обратилась:

— Товарищ полковник...

У меня чуть ноги не подкосились: это Вера-то — полковник? Ну и ну, сколько лет на поселке живу и не знаю, что тут все по-взрослому. Не обманул, значит, Юрка: и вправду здесь все капитаны да полковники разведки. Интересно, Чувилка в каком звании? Никогда мне даже не намекнула, что она не только в ДНД числится. А Борька-то (свин полка), интересно, звание имеет?

Я тихо через дыру в заборе вылезла — иду сама не своя. Маленький поселок, дорогу замело, вокруг снега, а надо же: разведшкола есть. В голове не укладывается. А может, специально разведшколу здесь сделали: подальше от любопытных глаз. Если сюда вражеские агенты доберутся, то они будут на виду: все друг друга знают. Кстати, я-то приезжая, может, поэтому от меня все скрывают? Но тогда есть версия, куда Ленка делась. Возможно, ее на задание отправили в страну вероятного противника, поэтому она ничего сообщить о себе не может, чтобы не раскрыться.

Удивительно: если еще час назад мне кто-нибудь сказал, что Ленка разведчица, я бы у виска пальцем покрутила. Но с фактами не поспоришь. Чувилка Веру полковником назвала: это факт. Хотя все-таки сомнения есть. Еще доказательства нужны. Надо с Семеном Авксентьевичем поговорить: напрямую спросить — есть разведшкола у нас на поселке или нет?

Двинулась я к школе, потопталась на пороге школы, обдумываю, как разговор начать. В дверь кабинета Семена Авксентьевича постучала и вошла.

— Разлюбезная Ольга Ивановна, — Семен Авксентьевич улыбнулся, — несканзано рад снова Вас видеть. К моему большому сожалению, урок пришлось отменить, но в следующий раз Вы непременно обновите свои знания.

— Почему Вы сказали ученикам по очереди через пять секунд выходить?

— Чтобы давки у двери не было, — Семен Авксентьевич плечами пожал.

— Значит, это не разведшкола?

— Какая разведшкола?

— Ну, радистов готовит, — я костяшкой пальца по директорскому столу постучала.

— Уважаемая и бесконечно ценимая Ольга Ивановна, вы бредите?

— Лучше правду скажите, я ведь все равно все узнаю.

— Лучшая в своем роде Ольга Ивановна, я не понимаю, о чем вы говорите.

— Ну, хоть намекните, я же своя.

Я снова по столу постучала: точка тире, точка тире.

— Незабываемая Ольга Ивановна, идите домой, отдохните.

— Понимаю, Вам нельзя говорить, но постучите, я пойму, — пальцем стучу: точка тире, точка тире.

Семен Авксентьевич из-за стола встал.

— Ольга Ивановна, а у Вас откуда такие сведения?

— У меня-то? — я к двери попятилась, думаю, а ведь и впрямь, куда я лезу, со спецслужбами шутки плохи. В миг в разработку возьмут, это я по ДНД знаю, а тут разведка, дело нешуточное.

— У меня-то? Да ниоткуда. Думаю, а почему бы разведшколе у нас на поселке не быть? — Дурочку включила. — Ну, я пошла?

— Всего доброго, несравненная Ольга Ивановна, и больше всякую чушь не думайте.

— Что поделаешь, — я оправдываюсь, — бывает, и чушь в голову придет.

Вылетела я из школы: голова кругом идет. Не признался директор: ушел в глущую несознанку. И так мне обидно, что, оказывается, жизнь на поселке — это спектакль, чтобы меня в неведение держать, разве это справедливо, ведь сколько лет я уже здесь мыкаюсь, а все равно в свои ряды не приняли. Да, глубокая конспирация, очень глубокая!

Иду я по поселку, и как-то меня ни снежком падающим, ни плавностью обводов снежных шапок на крышах не радуют. Раньше я поселок родным считала, но теперь мне ясно дали понять: не мой он. Хоть с поселка уезжай, а может, и вправду уеду. Вот снега растают, дорога освободится, и подамся куда глаза глядят. Побреду с узелком, под каждым деревом дом.

Иду я по поселку, а навстречу Чувилка на Борьке едет. Я больше всего на нее обижена: лучшая подруга, называется. В ДНД единственную взяла, можно сказать, доверие оказала. А она от меня правду скрыла. А с другой стороны, молодец: ни разу не проговорилась. В ДНД такие кадры нужны. Между дружбой и долгом часто противоречие есть.

Чувилка Борьку остановила. Я спрашиваю:

— Ты в каком звании?

— Каком таком звании?

— Ну, капитан, майор?

— Какой капитан, майор? — Чувилка брови нахмурила.

— Не запирайся, я все слышала.

— Что слышала?

— Как ты к Вере как к товарищу полковнику обратилась.

— Это когда?

— Полчаса назад к ней заезжала.

— А, это я у нее половник просила, — Чувилка с санок половник подняла, мне показывает.

— Ты же сказала товарищ полковник.

— Не... я спросила, дашь половник.

Вот оно что, значит, я ослышалась, может, и нет никакой тайной организации, и разведчики меня не окружают, просто у меня воображение разыгралось. Ох, и не знаешь, что думать.

— Чувилка, на кой черт тебе половник?

— Свой куда-то дела, а Вера говорила, у нее несколько штук.

— Ладно, — говорю, — отчаливай. И помни: о нашем разговоре — никому.

— Каком разговоре?

— О чем мы сейчас говорили.

— А о чем мы сейчас говорили?

— Вот и не вспоминай.

Иду по поселку дальше, снова сомнения меня одолевают. Ключевого момента в доказательствах больше нет. Все остальное — предположения и домыслы, а ведь так все кирпичики ровно легли, такая красивая постройка была, и за секунду все рухнуло. Что теперь делать — ума не приложу. Но надо дальше разбираться. Решила я следственный эксперимент провести. Снова в школу пойти и под дверью класса послушать, о чем на уроке говорят. Сразу станет ясно, разведшкола это или нет.

Снова я в школе, по коридору иду. Выбрала один класс и ухом к дверной щели прикинула. Лишь бы Семен Авксентьевич из своего кабинета не вышел. Вот неудобно будет, подумает, что шпиону. Да я ведь и правда шпиону. Подслушиваю, что учительница в классе говорит:

— Александр Грибоедов числился по дипломатическому ведомству, но на самом деле был офицером русской военной разведки. Иван Тургенев тоже работал в «особой канцелярии». Находясь в Германии, потом во Франции, сотрудничал с российским генштабом как заграничный агент.

Вроде о писателях говорит, но об особенных сторонах их жизни рассказывает. Это урок литературы или истории разведки? Может, совпадение, что про писателей-разведчиков разговор зашел. Опять у меня сомнения. Как весы: то одна чаша перевесит, то другая, когда то на одну, то на другую факты ложатся.

Не стала я больше подслушивать, побоялась, что Семен Авксентьевич из своего кабинета выйдет. На улице глубоко грудью воздух вдохнула. Побрела по улице, грустно мне, совсем я запуталась. Гляжу, Юрка Юрчиков навстречу идет. Вот паршивец, лишил меня покоя, всю душу измучил. С его подачи я лучшую подружку на подозрении держу.

— Юрка, — я к нему подступила, — говори правду, наврал про разведшколу?

— И не думал, — Юрка меня схватил за рукав и затащил за угол дома. — За нами следят.

— Кто?

— Вражеские агенты.

— Вот ты дурной.

— Зря не верите.

— Значит, ты настаиваешь, что у нас действительно разведшкола?

— Ага. И знаете, Семен Авксентьевич просил Вам передать, что приглашает Вас преподавать курс «Основы слежки». Только это тайна. Никому не говорите.

— Да уж, на меня можешь положиться.

— Тогда готовьтесь. А завтра к десяти в школу, будете у нас урок вести.

— Ой, Юрка, ведь обманываешь?

— Все, идите, Ольга Ивановна, и не оборачивайтесь. Со мной не разговаривайте, если встретите. Да, еще: оперативный псевдоним у вас будет Варвара.

Я пошла, а сама думаю: почему Варвара? Может, от поговорки: любопытной Варваре на базаре нос оторвали.

Дума я села за стол — фу, умаялась. Весь день по поселку бегала, чая даже некогда попить. Даже маковую росинку в рот не положила. А работа у ДНД тяжелая, сила нужна.

Поела я щей и села за стол к уроку готовиться. На обложке тетрадки написала: «Основы слежки. Курс».

Я бабка научная, на самом деле давно хотела опытом поделиться. Надо себе смену растить, а у ДНД опыт большой. Писала я, писала весь вечер, полтетрадки каракулями покрыла, да так за столом и заснула.

А утром меня стук в дверь разбудил. Я глаза протерла, на улицу выглянула: никого. На крыльцо вышла, зеваю, а перед крыльцом снеговик стоит. Голова с ушами, а к ушам два пакета вермишели «Экстра» подвешены.

«Вот проходимцы! — думаю. — Ну ладно, хоть угощусь за ваше здоровье».

ПРОХОДНАЯ ВСЕЛЕННАЯ

Ночь. Дежурю. Иду по поселку, думаю. Снег — это, конечно, хорошо, но уже полгода лежит. По зелени соскучились. Холодная у нас страна. Далеко на север в леса наши предки от врагов ушли. Долго они здесь мучились: дрова для обогрева домов рубили. А тут вдруг цивилизация развилась. Газом стали топить. Оказалось, счастливую карту вытянули, зажили как короли: газ только в наших краях есть. Никто не ожидал, что так будет. Другие народы хоть и южнее живут, все равно у них в домах зимой стыло, топить приходится, а газ — за денежки. И летом эти народы от жары изнывают, а мы нет. Поэтому нужно наших предков благодарить, которые сражались как львы и прятались по лесам как зайцы.

Иду я, значит, по поселку, а навстречу — милиционер, наш участковый Андрей Петрович. Полицейским по-нынешнему мы его называть как-то не научились. Под мышками подушки несет и еще одну подушку — на животе под серой курткой. По крайней мере, так кажется: руки к телу не прилегают — такой толстый.

— Здравствуйте, — говорит, — Ольга Ивановна.

— Здравия желаю, — я по-военному отвечаю, ДНД, конечно, не армия, но тоже силовики.

— Про Ленку ничего не узнали?

— Ничего.

— Да, беспорядок у нас на поселке.

— Беспорядок, — я поддакиваю.

— Ходят тут еще всякие по ночам.

— Кто ходит?

— Поодиночке, а иногда целая толпа: в темноте никого не видно, а только шаги и дыхание слышно.

— Знаю, саму жуть берет.

— Кто бы это мог быть?

— Одно ясно: чужие. Наши бы мужики не молчали, да и бабы у нас все хохотушки.

— Это да, — Андрей Петрович фуражку со скрипом почесал.

— Куда они, интересно, направляются?

— К старому элеватору.

— Зачем?

Милиционер плечами пожал:

— В ворота войдут, и больше ничего не слышно.

— А вы откуда знаете?

Милиционер усмехнулся.

— Страшно, Андрей Петрович.

— Не нагнетай, Ольга Ивановна.

— Ой, — я милиционеру за спину забежала, шаги услышала: вся на нервах, сразу паника началась.

Идет кто-то неразличимый, ну, думаю, на ловца и зверь бежит: тот самый — чужой. Шаги все ближе, ближе, уже дыхание слышно. Хорошо — с милиционером стою, вдвоем не так страшно.

Чужой стороной прошел; в общем-то, силуэт виден: мужчина в шляпе.

— Давай, — шепчу Андрею Петровичу, — за ним проследим.

Пошли за чужим; так и есть — в сторону элеватора направляется.

Андрей Петрович говорит:

— Надо его брать — нам язык нужен, сразу обо всем узнаем. Прижмем — сразу расколется.

— А как же его брать?

— Слева заходи. — И как рывкнет: — Стоять!

Фигура на месте замерла, мы к ней бегом.

Я тоже тонким голоском кричу:

— Стоять! Работает ДНД!

Андрей Петрович почти у ворот элеватора темную фигуру в снег толкнул, упал на нее и придавил, а я сверху на милиционера прыгнула:

— Врешь, не уйдешь.

Страсть люблю задержания!

Темная фигура из-под Андрея Петровича ругается:

— Отпустите, сволочи, что вы делаете!

Барахтаемся в снегу, весело, с Андреем Петровичем не страшно.

Темная фигура кричит:

— Пустите, говорю, я не сопротивляюсь!

Голос какой-то знакомый, на Жориков похож. Эти сущности, оказывается, даже голоса подделывать могут. Поднялись мы, наконец; все в снегу. Я милиционера отряхивать принялась, чтоб у власти вид опрятный был. Опрятная власть —

престиж поселка. А Андрей Петрович сущность за предплечье держит. Вот так, мил друг: от ДНД с милицией не уйдешь.

— Попался, — Андрей Петрович говорит, — почему тайно здесь ходишь?

— Почему тайно? — сущность голосом Жорика спрашивает.

Я пригляделась, а это и есть Жорик. Андрей Петрович тоже его узнал.

— Ты почему, парень, от нас убежал?

— Я не убежал, сказали: стой, я остановился.

— А почему сопротивлялся?

— Да вы меня чуть не задавили. Я воздуха хотел глотнуть.

— А почему так одет?

Жорик действительно одет странно: черная шляпа и черное пальто, да еще воротник поднял, чтобы лицо скрыть.

— Я... мне... — Жорик заблеял.

— Ну, говори правду.

— Нравится мне так ходить.

— Кто же в пальто сейчас ходит, — я говорю, — не май месяц?

— Я закаляюсь.

— Что-то ты темнишь, мил друг.

— А в эlevator зачем шел? — милиционер спрашивает.

— Так... посмотреть, — Жорик под ноги себе смотрит.

— Развалины?

Жорик молчит, значит, ответить ему нечего.

— Я тебя спрашиваю, — милиционер не отстает.

Жорик молчит.

Я говорю:

— Сдавайся, говори начистоту.

— Хорошо, — Жорик отвечает, — я уйти хотел.

— Куда? — милиционер удивился.

— В другую Вселенную.

— Как в другую?

— Знаете, у нас по поселку ходят невидимые, но слышны их шаги, а иногда, если близко подходят, то и дыхание.

— Знаем, — я отвечаю, — мы только что с Андреем Петровичем о них говорили.

— Они в ворота элеватора входят, — Жорик глаза поднял.

— К чему ты ведешь? — Андрей Петрович спрашивает.

— Значит, это портал в другую Вселенную.

— Что? — я не поняла.

— Вход в другую Вселенную, — Жорик объяснил.

— Что ты выдумываешь? — милиционер возмущился.

— Другого объяснения этим невидимым нет.

— У тебя с головой плохо?

— Просто поймите, наша Вселенная проходная. Как бывают квартиры со смежными комнатами, чтобы из одной комнаты выйти в коридор, надо через зал пройти. Вот зал — это наша Вселенная.

— Ну, ты и сочиняешь, парень, — милиционер усмехнулся.

— Я в этом уверен. Факты налицо.

— А ты что хотел? — милиционер брови сдвинул.

— Тоже в ворота элеватора войти, а черное пальто и шляпу надел для маскировки, чтобы за своего приняли.

— Ты придурок? — я не выдержала.

— Надо попробовать, может, и Ленка туда ушла, тогда я ее найду.

— Вот в чем дело! — я воскликнула. — Ты Ленку ищешь!

— А куда она могла еще деться?

— Все Ленку ищут, но до такой чуши никто не додумался.

— Пустите меня к Ленке, — Жорик слезно взмолился.

— Не дури.

— Я по ней очень соскучился.

— Всем Ленки не хватает, но это не значит, что мы с обрыва должны прыгать.

— Я тебе запрещаю, парень, понял? — милиционер строгим голосом произнес.

— Я войду, вы меня не удержите, — Жорик захныкал.

— Нет, я сказал. Что ж это получается: Елена исчезла, еще и ты пропадешь,

так скоро в поселке людей не останется.

— Думаєте, так в воздухе и растворится? — я голос подала.

— Лучше не пробовать, — милиционер отрезал, — у нас каждый человек на счету.

— Но он малость того, — я пальцем у виска покрутила, — как его удержать?

— У нас все малость того, — Андрей Петрович ответил. — Пусть Пашка Сазонов вход в элеватор кирпичом заложит. С администрацией я договорюсь об оплате, а ты сходи за ним. А этого молодца я домой отведу и покараую, пока Пашка работать будет.

Андрей Петрович с Жориком ушли, я тоже хотела было к Пашке Сазонову лыжи навострить, но задержалась, даже не знаю почему. Портал, или как его, не отпускал; вдруг Жорик правду сказал, что можно путешествовать между мирами? Стою перед входом в элеватор; воротаины старые, ржавые: на одной петля оторвалась — так, что воротина углом в землю врезалась. Стою. Ведь запросто могу в портал войти, да страшно. Кажется, темнота передо мной рябит, вот жуть-то. Но нет, это снежок стал падать.

Хотела я к Пашке двинуть, да вдруг голос над ухом услышала:

— Шпионишь?

Обернулась: никого.

— За кем? Никого же нет.

— А что не уходишь?

— А это кто говорит? — спрашиваю.

— Драть тебя надо, бабка!

— Как же вы драть будете?

— Найдем как.

— Разговорилась, пустота.

— Смелая, потому что знаешь, что возможности у нас сейчас ограниченные.

Но мы все равно до тебя доберемся, — я шаги удаляющиеся услышала.

— Ага, — им вслед кричу, — руки у вас коротки! Верней, их вообще нет.

Вдруг снова шаги ко мне приближаются и учащенное дыхание слышу — я как рванула бежать, только пятки засверкали. Ой, мамочки мои, среди темной ночи на честных бабок нападают. Вот бездельники. А кто? Непонятно.

Прибегаю я к Пашке. Он за столом сидит. На плече мышь черная; ясное дело: ночь на дворе. Конструирует какой-то прибор, за ручку повернул — шестеренки закрутились.

— Вот, бабушка, — говорит, — что я придумал. Аппарат для вдевания нитки в иглолку.

— Изобретатель, сколько дней изобретал?

— Неделю. А что не нужен тебе такой аппарат?

— Вещь, конечно, полезная, но уж очень большой, как швейная машинка. Ходи на него натывайся.

— У меня детали только от трактора были.

— Я и так нитку в иглолку вставляю.

- А где прогресс?
- Ты можешь что-нибудь по-настоящему полезное придумать?
- Я думаю над машиной для черпания ложкой супа.
- Ну ты лентяй!

— Лень — двигатель прогресса, бабушка.

— Ладно, изобретатель. Я пришла к тебе с указанием от нашего милиционера Андрея Петровича. Вход в старый элеватор надо кирпичом заложить. С администрацией об оплате он договорится.

— А зачем заложить?

— Мальчишки в нем играют, вдруг на них шифер с крыши упадет, стропила все сгнили.

— Хорошо, как-нибудь заложу.

— Надо срочно, за скорость премию получишь.

— А кирпич где брать?

— Там рядом у весовой стена рухнула.

— Хорошо, — Пашка мышь черную с плеча снял, из-за стола встал, — иду.

Дело сделано, указание власти передала. Вышла я от Пашки и двинулась домой. Надо отдохнуть и чаю попить. Перерыв в дежурстве тоже нужен. Сажу на кухне, баранку в кипятке размачиваю и думаю над словами милиционера, что у нас на поселке все малость того. Это правда, но вы же фильм любите «Шилохвост и доктор Ватсон»; то есть, «Шилохвост» — я его так называю, а на самом деле — Шерлок Холмс. Почему любите? Потому что он про чудачков. Преступления во многих фильмах расследуют, но эти фильмы никто не помнит, а фильм про Шилохвоста все время пересматривают. Потому что там следователь на скрипке по ночам играет, а в свободное время опыты химические ставит, и метод у него раскрытия преступлений необыкновенный, *дуктивный* называется, а сосед по квартире — писатель, но еще и доктор, искренне изумлялся образу жизни Шилохвоста, пока сам помощником ему не стал. В общем, интересно про этих чудачков кино смотреть.

Так вот, конечно, все у нас на поселке немного того, но никто в другую Вселенную уходить не додумался. Жорик всех переплюнул. Если правда этот портал, или как его, есть. Ладно; в любом случае, Пашка сейчас вход в элеватор кирпичом заложит.

Посидела я так часа три, отдохнула и решила пойти посмотреть, как дела у Павла.

По поселку иду, думаю: а ведь смежные вселенные многое объясняют. Часто дома что-нибудь пропадает — все перероешь, найти не можешь. Тогда так надо действовать: ко входу в элеватор подходишь и кричишь, например:

— Клубок шерсти у вас?

Тут же из ниоткуда клубок шерсти в тебя летит. Хорошо, если не скалка потерялась. Но как теперь в другую вселенную покричишь, если Пашка ее кирпичом заложил? Жалко, я раньше про такой способ не знала, у меня дома столько вещей потерялось, наверняка в другой вселенной без дела пылятся. Теперь до них не доберешься. Надо было, пока Пашка работать не начал, потребовать, чтобы назад все вернули. Крикнула бы перед входом в элеватор, и тут же в меня из ниоткуда все посыпалось бы, только уворачивайся: варежки, спички, ножницы, да много всего. Ведь не зря меня баба Вера растеряхой зовет.

Подхожу я к элеватору, а Пашка, вот шустер, дело свое уже сделал. Обычно пока раскачается, а тут ударно потрудился. Вход в элеватор полностью кирпичом заложено. Как же он успел, самого и след простыл — спросить не могу. Деньги, что ли, хотел быстрее получить, давно уже ничего в семью не приносил, вот и портал, засучив рукава. Но этому только радоваться надо.

Дотронулась я до стенки, которую Пашка сложил, дай, думаю, попробую, насколько она крепкая, слегка надавила... и жизни чуть не лишилась. Едва успела отскочить. Стена рухнула, несколько кирпичей в миллиметрах от меня пролетели. Пашка-паразит их без раствора сложил, а может, и был раствор, но не успел схватиться. Что я наделала? Вся работа насмарку, второй раз Пашка не станет стенку складывать. Скажет, нашли дурака даром горбатиться.

Что теперь делать? Рухнул железный занавес. Вернее, кирпичный. Теперь всякий может за границу в другую вселенную ушмыгнуть. А все я виновата. Подвела поселок. Черт меня дернул стенку на прочность пробовать. А может быть, это невидимые меня под руку толкнули, стена им мешала. Хотя разве может их кирпич остановить. Как ходили, так и будут ходить. Ну и тьфу на них, что они могут без силового воздействия, а словом меня не проймешь.

— Не хорохорься, бабка, — вдруг я голос над ухом услышала.

Обернулась — конечно, никого. Снова один звук.

— Опять вы, неизвестные?

— Хочешь, скажем, какие мы?

— Ну?

— Белые и пушистые.

— Врете.

— Нет, мы правда хорошие.

— А если вы хорошие, зачем к нам лезете?

— Зачем вы нам? Мы через вашу Вселенную в другую ходим.

— А туда зачем?

— Тебе скажи, вы сами туда шастать начнете.

— Воруете там?

— А что делать, — голос вздохнул, — у нас этого нет.

— Тогда какие же вы хорошие, ворюги?

Голос промолчал; видно, ответить нечего.

Думаю, надо удочки поскорей сматывать. Никто не видел, как я стенку заваляла: не пойман — не вор. Завтра Андрей Петрович разгром увидит, головой покачает. А кто виноват? Нет виноватого. Искать бесполезно. Никто не признается — это уж точно, можете мне поверить, бабки.

Пришла я домой, спать легла, но не спится. Ворочаюсь на кровати. Мысль одна не оставляет: теперь, если преграды нет, Жорик этим может воспользоваться. А ведь это я ему дорогу открыла. Конечно, меня не заподозрят, но сама про себя знаю, что я преступница. Совесть меня мучает. Ведь из-за меня Жорик сгинет, если снова захочет в старый элеватор войти. Жалко парня, на моей душе грех будет. Надо было к милиционеру идти, признаваться. Он бы охрану выставил, пока снова стенку не возведут. А я смалодушничала, честно сказать, не хотелось упреки Андрея Петровича слушать. Не привыкла, чтобы меня отчитывали, обычно ДНД всех на поселке к ответу призывает, а тут само попало впросак.

Насилу утра дождалась. В восемь часов уже к Жорика заявила. Это при том, что еще возле дома потопталась полчаса. Вхожу — он меня встречает заспанный.

— Что случилось, тетя Оль, неужели Ленка нашлась?

— Нет.

— А я думал... — Жорик вздохнул.

— Значит, ты всю ночь проспал?

— Проспал.

— В другую вселенную не собирался?

— Нет, я еще подожду, пока проблему счастья не решу.

— Какую проблему?

— Почему в детстве всему радуешься, а потом нет.

— Поменьше думай, — я зевнула.

— Ленка знала, она умная, — Жорик вздохнул.

Вот вы, бабки, говорите, я дура. А Жорик тогда кто? Ну, хоть будет лежать в потолок плевать, а не по другим вселенным шляться — и то хорошо.

МИРОВОЕ ДРЕВО

Сижу дома, чай пью, рассуждаю: почему иногда в голове пусто, а порой мысли друг за другом идут? Видимо, это прихоть бога, который мысли нам сообщает. И что интересно, если стакан крепкого чая выпить, то лучше думается; следовательно, мы можем на бога влиять.

Я еще стаканчик крепкого чая выпила, тут же бог проявился:

— Вот тебе мысль, Ольга Ивановна, блесни. «Великанов видно издалека, а великих порой не разглядишь и вблизи».

Правильная мысль, только на что бог намекает? Не буду говорить, я бабка скромная.

Вышла из дома. Иду, воздухом дышу. Холодно, а птицы какие-то щебечут. Весны дожждаться не могут. В них пружина жизни раньше времени разжалась. Споют, а потом, возможно, замерзнут насмерть. Вот кто герои — первые прилетевшие птицы.

Иду, думаю, где же еще Ленку искать? Не привыкла я отступать, но и найти ее никак не получается. Тут меня осенило: как же я, голова два уха, раньше до этого не додумалась? Нужно Ленкину белку выпустить из клетки, которая в их комнате с Жориком стоит. Ленка белку любила, белка тоже, наверно, Ленку любит. Сразу к ней побежит, чутье у животных хорошо развито — найдет Ленку. Остается только за белкой проследить — и дело в шляпе. Чур, палочка-выручалочка, Ленка, выходи! Хороший план — ничего не скажешь.

Пришла я к Жорику. Постучала. Жорик дверь открыл, заспанный.

— Здравствуй, Жора, — я говорю, — разговор есть.

— Проходи, тетя Оль, — Жорик зевнул.

И в дом меня пропустил. В комнату вошли, я сразу обстановку оценила: клетка на месте, белка в ней. Можно приступать к операции.

— О чем Вы хотели поговорить? — Жорик снова зевнул.

— Решил проблему счастья?

— Нет.

— Еще одна проблема есть.

— Какая?

— Красоты. Почему одних животных мы считаем красивыми, например, коня или оленя, а других — нет: к примеру, верблюда или осла?

— Это, конечно, странно, — Жорик вздохнул, — сколько необъяснимого в нашей жизни.

— Ну, думай, — я говорю, — а пока принеси бабушке стакан воды. Пить хочется.

Жорик на кухню ушел, а мне только этого и надо. Теперь могу действовать. Я клетку открыла и белку выпустила. Та скок на пол, замерла на секунду, ушамиксточками пошевелила — и к двери бросилась: по полу коготками заскрежетала. Миг — и ее нет: поминай, как звали. Я вслед за белкой к двери — выскочила из дома, а белка уже пол-улицы пробежала. Как ты ее догонишь? Весь план срывается. Делать нечего, пришлось мне в куницу превратиться. Единственный способ с белкой на равных быть. Как в куницу смогла превратиться, хотите знать? Этого я не могу объяснить. Наверно, талант.

Белка бежит, я за ней. Гляжу, под калитку Чувилкиного дома поднырнула.

Неужели это Чувилка Ленку прячет? Вот так открытые! Эх, Чувилка, доверяла ей как себе, а она за моей спиной козни строит. Я и не подозревала, что крот в ДНД есть. Все тайны на сторону передает. Какие тайны? График дежурства, например. Когда я дежурю, у меня ни одна мышь не проскочит. А Чувилка, бывает, ленится всю смену патрулировать — тогда делай на поселке, что хочешь.

Я тоже под калиткой пролезла. Смотрю: белка вокруг дома бежит. Я за белкой, она щель в заборе нашла и снова на улицу выскочила. Дом у Чувилки угловой. Получается, зря я на Чувилку грешила, чиста она перед ДНД. Не надо было с выводами спешить. Мы с ней не один пуд соли съели, стыдно мне, что я, не разобравшись, ее во враги поселка записала.

Белка по улице несется, Пашка Сазонов из переулка вышел, нас увидел, снежок сделал и в белку бросил. Ребенок тридцатилетний, поиграть захотел. В белку-то он промахнулся, а в меня попал, вражина. Ладно, снова человеческий облик приму, я ему отомщу. Подкараулю и в спину тоже снежок кину.

К магазину белка подбегает, навстречу дед Михей идет, а поодаль — баба Вера. Дед Михей движение сделал белку перехватить, да баба Вера ему не дала. Схватила за рукав: ей выгодно, если белки не будет, давно баба Вера ее недолюбливает, думает, что белка по ночам семечки и орехи из ее запасов ворует. Это, конечно, неправда. Жорик белке и так вдоволь семечек и орехов дает.

В общем, пробежали мы с белкой весь поселок. На околице оказались. Впереди поле, за ним лес. Понятно, куда еще белке бежать. В лесу ее дом. Только есть нечего, а лета ничего не припасено. Как она там выживет? Все равно белка по полю помчалась. Таким образом, я окончательно убедилась, что Ленки на поселке нет. Хотя, возможно, свобода белке дороже Ленки.

А ведь я тоже сейчас куница. Могу в лесу по заснеженным веткам бегать. Дай, думаю, для интереса попробую, как это. Снова я за белкой погналась. Та до дуба добежала, который на опушке рос, и по стволу вверх устремилась. Я за ней. По дубу взбираюсь, радуюсь своему почти невесомому телу и острым коготкам.

Поднимаемся мы с белкой, поднимаемся, долго поднимаемся. Давно уже должны до верхушки дуба подняться, а ствол все не кончается. Бесконечный подъем, но белка не останавливается, значит, есть у нее какая-то цель. Я уже уставать стала, а белка, неутомимая, все вверх и вверх. Смотрю — мы уже над облаками. Вдруг белка на сук свернула; я, конечно, за ней. А когда сук кончился, белка просто по облакам побежала. Ой, что делать? Мне на облако страшно прыгать — вдруг упаду. Но все-таки решилась. Первое мгновение дух перехватило, но потом убедилась: облако достаточно плотное, можно не бояться.

Бежим мы с белкой, с облака на облако перепрыгиваем. И вижу я — впереди по курсу пир горой идет. Люди в белых одеждах на стульях с высокими спинками сидят, а перед ними еда на столах: осетры остроносые, поросята жареные, пирожки с румяной корочкой, бананы, виноград да много еще чего. Запах от стола такой, что слюна сразу потекла. А еще посуда очень красивая: кувшины бронзовые с позолотой, чеканкой украшены. Люди смеются, бокалы с вином поднимают, чокаются, такое веселье царит, как будто у них большой праздник. Вдруг я деда своего покойного узнаю. Значит, в рай попал, это хорошо, я за него рада!

Мимо с белкой пробегаем, я кричу:

— Привет, дед!

Он на меня посмотрел — и бокал из руки выронил: куница моим голосом разговаривает! Бокал выронил, а вина не пролил. Интересно.

Но я дальше бегу. Ясно мне теперь, что на том свете я оказалась. Дуб, по которому мы взбирались, есть Мировое дерево. Теперь главное — от белки не отстать. Надеюсь, она обратную дорогу знает.

Бегу, а сама переживаю: там женщина рядом с дедом сидела, к нему боком при-

жималась и вина ему подливала: волосы волнистые, румянец на щеках и видно, что разгоряченная: полная грудь от волнения часто ходит. Я, признаться, укол ревности почувствовала. Вот зараза, к деду моему клеится. Думала, может, вернуться, за ноги их покусать. Но нет, белку-проводницу терять нельзя.

Побежала белка по облакам и опять к суку вернулась. В обратную дорогу по стволу дуба мы с ней отправились и кубарем в мир живых скатились. Белка снова в поселок побежала, я на хвосте. Врешь, думаю, не уйдешь. По небу бегала, следы запутать хотела, сейчас мы тебя на чистую воду выведем. Но белка меня разочаровала. Снова в клетку вернулась; конечно, тут и тепло, и еда есть. И чего, спрашивается, бегала? Но потом я поняла, белка действительно Ленку искала. Просто она решила проверить: не умерла ли она, для этого на тот свет и поднималась. Теперь я и знаю, что Ленка жива. Для меня это важно, потому что, когда уже не знаешь, где искать, разные нехорошие мысли в голову лезут.

Снова я человеческий облик приняла и пошла домой. Понравилось мне кунницей быть. Везде пролезть можно, куда хочешь забраться. Такие возможности перед ДНД открываются. И главное, мне же теперь ничего не страшно. Если я на том свете побывала и вернулась, значит, я бессмертная. Выход у меня свободный. В дальнейшем я могу вообще с дедом на облачке примоститься, а на землю иногда спускаться, чтобы новости узнать. Ведь для чего нужно долго жить? Чтобы узнавать, как у родных и знакомых дела идут. Это как фильм смотреть: спать хочется, но интересно, и пересиливаешь себя — не спишь. Так и жизнь: чтобы узнать, что дальше с родными и знакомыми произойдет, пересиливаешь себя, не умираешь.

Эх, бабки, хорошо: я — бессмертная. А ведь кто поверит. Я Веру встречу, в глаза ей загляну: ведь не знаешь, что я бессмертная, а потом невзначай оброню:

— Эх, зачем жить вечно?

— А кто живет вечно? — она удивится.

— Есть такие.

— Кто?

— А ты догадайся, — я на нее с торжеством смотрю.

— Я говорю, ты дура, — она скажет.

Вот и поговори с ней, сразу обзывать.

Да и что с ней разговаривать; я теперь с такими же бессмертными должна разговаривать, как я, только они мне ровня. Где они? Я уверена: появятся. Как их узнаю? Очень просто. Тело у них как у людей, а вместо лиц — морды куньи. Тут не ошибешься: на поселке у нас рожи еще те, но с мордами куньими никого нет. Встретят меня на улице человекокуницы и скажут:

— Мы, Ольга Ивановна, за тобой.

— Кто вы?

— Бессмертные. Только мы до конца тебя пойдем. Говори с нами обо всем.

— О чем же говорить?

— О чем хочешь.

— Не в деньгах счастье.

— Понимаем.

Это и Чувилка поняла бы, думаю.

— Еще о чем-нибудь говори, — человекокуницы просят.

— Ладно, почему в старости время быстрее бежит?

— Это тебя уже не должно интересовать. Для бессмертных времени вообще нет.

— Больше не о чем говорить тогда. Расскажите лучше о себе.

— Что рассказывать, хочешь посмотреть, как мы живем?

— Да.

— Тогда пошли.

Тут передо мной лестница в небо появится.

— Иди, — меня бессмертные подтолкнул.

Я и пойду. А человекокуницы по бокам и сзади вместе со мной поднимаются. Сначала я быстро пойду, потом подустану, шаг замедлю, и от этого будет казаться, что я выступаю как пава на торжественной процессии. Невестой себя почувствую, словно ведут меня к жениху. Волнительный обряд впереди: я и забыла, как переживала, когда невестой была.

Уже высоко над землей, а лестницы и конца не видно. Я на человекокуниц покошусь, да что на звериных мордах прочтешь. Носы вверх подняли: важничают, как все бессмертные.

Я скажу:

— Может, просто расскажете, как вы живете?

— Это надо видеть, — мне ответят.

— Может, другой раз?

— Не ной.

— Ноги уже болят.

— Скоро пройдут, чем выше, тем меньше тело чувствуешь.

— Это почему?

— Потому что оно наверху не нужно.

— Я не хочу без тела, — я закричу и быстрее по лестнице вниз побегу.

— Драть тебя надо, бабка, — слышу во след мне человекокуницы кричат.

Вот, бабки, как я от своей гордыни чуть не пострадала. Захотела только с теми говорить, кто мне под стать, а в результате едва тело не потеряла. С телом-то лучше; правда, с простыми смертными говорить придется, но ничего, как-нибудь перенесу. Вообще я люблю с Чувилкой дела ДНД обсудить. Чувилке скажу, как обычно:

— Доложи о происшествиях за последние сутки.

Но тон у меня при этом станет требовательным. Не могу никак свое превосходство скрыть. Так и хочется закричать: «Я бессмертная!!!», но сдержусь.

По поселку иду, как раз мое дежурство. Такой душевный подъем чувствую: что бы ни случилось — вмиг порядок наведу. Происшествие и случилось. Вижу, впереди Жорик. Палкой на снегу что-то пишет. А к нему два парня каких-то незнакомых подходят. Откуда они на поселке взялись? В черных куртках, руки в карманах держат. Спросили Жорика о чем-то, потом один руки из карманов вынул и Жорика пихнул. Второй тоже на Жорика наступает. Вот он, мой звездный час. Может быть, для этой минуты ДНД и создавалась. Я штaketину от забора оторвала, мчусь Жорикю на помощь: берегись, хулиганы.

Парни на меня обернулись: оба усатые, носы длинные. Один другого в бок подталкивает:

— Смотри: бабка.

Я кричу:

— От Жорика отошли!

— Что здесь раскомандовалась? — первый говорит.

— Страх потеряли, — я штaketиной замахнулась.

— Бешеная какая-то... — второй сказал.

— Я вам сейчас покажу, где раки зимуют! — я кричу.

— Ты что бессмертная? — первый усмехнулся.

— Угадал, — я отвечаю.

Хотела штaketиной его огреть, но в эту секунду парни в крыс превратились. На месте закружились и наутек бросились. Я штaketину им вслед кинула, они еще быстрее побежали. Фу, защитила Жорика. Сегодня наконец в отчете ДНД целую страницу испишу, а то все время два слова только пишу: без происшествий.

— Жорик, — спрашиваю, — что эти крысы от тебя хотели?

— Закурить попросили.

— А ты?

— Сказал им, что не курю.

Значит, просто обычные хулиганы. Никакого вмешательства потусторонних сил. Понятно, что крысы на поселке у нас есть. Но почему они сегодня человеческий облик приняли? Я тоже вот облик куницы приняла. Может не в моем таланте дело, а день такой один раз в тысячу лет бывает, когда люди в зверей, а звери в людей могут превращаться. Не знаю.

— Ладно, Жорик, иди домой, — я говорю.

Жорик пошел. Я тоже. Но перед тем как пойти, посмотрела, что Жорик палкой на снегу написал. «ЛЕНКА, ВЕРНИСЬ!» было. Я так и знала.

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Проснулась я утром, вышла из дома. Дышу полной грудью. Какой у нас воздух замечательный! Вспомнила, как дед мой покойный рассказывал: он начальником мехмастерской работал, там у них кислород в баллонах для сварки был. К деду, бывало, сварщик подойдет, бумажку протянет:

— Подпиши кислород.

Дед на бумажке напишет «разрешил» и скажет гордо:

— Оказывается, это я всем на Земле разрешаю дышать.

Так вот, иду я по поселку, а навстречу — Пашка Сазонов; вперевалочку, гусь лапчатый:

— Здравствуй, тетя Оль.

— И тебе не хворать.

— У меня получилось.

— Что получилось?

— Нужно изобрести.

— Не может такого быть.

— Правда. Хочешь узнать, найдется Ленка через неделю или нет?

— Ты что, гадать стал?

— Нет, я машину времени сделал. Отправлю тебя на неделю в будущее, если она там, спросишь, где была.

— Ты меня совсем дурой считаешь?

— Пойдемте ко мне, убедитесь.

— Ты еще кому-нибудь о машине времени говорил?

— Нет. Не поверят же.

— А почему ты решил, что я поверю?

— Вы любознательная.

— Ох, — говорю, — хитрец.

Я перед лестью устоять не могу. Единственное средство к ДНД подход найти — меня хвалить. Ладно, думаю, пойду к Пашке; конечно, никакой машины времени он не изобрел, но чокнутым, как и детям, не надо перечить, лучше подождать, когда игрушка сама надоеет.

Пришли мы к Пашке домой. Я на вешалку покосилась, на которой пальто кожаное висит, в котором никого не было. Вроде никто никаких признаков жизни не подает. Я свое пальто сняла и рядом повесила.

Пашка показывает:

— Вот.

Смотрю — и вправду: полкомнаты какое-то техническое устройство занимает — разные механизмы трубками и проводами соединены, а в центре всего этого агрегата — стул.

— Это и есть машина времени, — Пашка говорит.

— У тебя опять детали только от трактора были?

— Нет, еще от комбайна.

— Ой, Пашка, не стыдно тебе старого человека обманывать?

— Не верите, не надо. Просто сядьте на стул.

— Зачем?

— Посидите, отдохнете.

— Да я не устала.

— Вы же не верите, что это машина времени, чего боитесь?

— Дурой не хочу выглядеть.

— Сядьте, раз уж пришли, послужите науке.

Опять мне лестно стало, что я, простая бабка, могу науке послужить. Ну, не удастся эксперимент, так хоть у Пашки изобретательский зуд пройдет.

— Ладно, — говорю, — Паша. Минуту сижу и ухожу.

— Договорились. Я вам значок летчика-испытателя подарю — у меня есть.

Села я на стул, Пашка на пульте тумблерами пощелкал: мотор завелся; и вентилятор заработал, меня воздухом обдувает; лампочки какие-то замигали.

Думаю, чем бы дитя ни тешилось...

Пашка спрашивает:

— Готовы перемещаться?

— Готова дочь попова, — отвечаю.

— Пробный пуск машины времени начинаю, за стул возьмитесь на всякий случай.

Для важности говорит, я подумала, но за стул взялась.

Пашка рычаг какой-то тронул: мотор обороты прибавил, загудел. И яркий свет вспыхнул, словно фонарь мне в глаза направили. Я в стул вцепилась, ничего не вижу. Думаю, вдруг в машине что-нибудь взорвется, механизмов много — опасно. Но глаза к свету привыкли; смотрю — и нет уже никаких механизмов; сижу я на стуле посреди зеленой лужайки напротив дома с зеркальной стеной. В зеркале лужайка отражается и я с вытаращенными глазами на стуле.

Вдруг слышу голос:

— Что глаза вытаращила?

Оглянулась, никого. Понятно: это мой внутренний голос сказал. Но как тут не вытаращишь: оказалась неизвестно где. Какой-то дом странный. Я со стула встала; ноги как ватные, голова кружится, дышать тяжело, но шаг сделала, другой, кое-как передвигаюсь. Смотрю — кругом дома с зеркальными стенами посреди лужаек стоят, а дорог нет; и я сразу поняла почему. Вижу — машина в двух метрах над землей летит. Круг надо мной сделала и рядом приземлилась. И, вот те раз, из машины выходит... Ленка. Только странная какая-то, разжиревшая. И одежда на ней странная: серебристый комбинезон.

«Да, — думаю, — ну и разъезла ряжу! Ну, ничего; наверно, в сытное место попала». И хотела уже было с ней поздороваться, а она меня не узнает.

— Кто вы такая? И что это на вас за тряпье?

Тряпье?! Это моя-то новая кофта из ангорки? Я от возмущения вдохнула глубже и закашлялась: выхлопной газ в воздухе почувствовался. Нет тут моего деда, чтобы кислород подписать.

— С Вами все в порядке? — Ленка спрашивает.

— В порядке, кхе-кхе, в порядке...

— Тогда... зайдите в дом, что ли.

Зашли мы в дом. Я все кашляю, даже не могу понять, какая в доме обстановка.

— Что у вас с воздухом? — только и смогла выговорить.

Ленка плечами пожала.

— А что с воздухом?

— Дышать невозможно.

— Мы дышим.

— У нас же на поселке воздух замечательный был.

— Когда же это? Сколько себя помню, всегда он такой.

— Что ты такое говоришь, Ленка?

— Ленка? Меня зовут Маргарита. Это только прабабушку мою Еленой звали.

Это что ж, думаю, Пашка, гад, меня на век вперед задул!

— Похожа ты на прабабушку, — я Ленке-Маргарите говорю, а сама радуюсь: жива, значит, Ленка! В моем-то времени детей у нее пока нет; раз суждено им появиться, значит, жива!

— А откуда вы знаете, что я на нее похожа? — Ленка-Маргарита спрашивает.

— А я из прошлого.

— Как же вы к нам попали?

— Пашка Сазонов машину времени изобрел.

— Мы при всем нашем развитии науки этого сделать не можем.

— Тут гений нужен, — я за Пашку невольно гордость ощутила.

— Да, действительно, одежда на вас старинная, я такую на старых фотографиях видела.

— Ну, теперь поверила?

— Как же вы в таком тряпье ходили?

— Зато дышали чистым воздухом. Кстати, почему мне сейчас легче дышится?

— В доме регенератор кислорода.

Я огляделась — шкаф, стол, стулья. Все из пластика серебристого цвета.

— Ну, показывай, как вы тут живете.

— Сначала угоститесь, — Маргарита быстренько нарезала салат из свежих овощей и на стол поставила, — сегодня с орбиты привезли.

— А на земле почему ж не выращиваете?

— На земле только газоны.

— Странно, что они у вас такие красивые, яркие. При таком грязном воздухе...

— Они декоративные.

Я попробовала салат: трава травой.

— С земными овощами, конечно, не сравнить, — я головой покачала.

Маргарита усмехнулась:

— Зато мы живем до тысячи лет.

— Это как же?

— Органы себе меняем и живем. Я вот уже шесть сердец сменила. Теперь мне новое сердце нужно.

— Где же ты его возьмешь?

— Сейчас узнаешь.

Вот те на! Маргарита в лице поменялась — глаза злыми стали, зубы оскалила. Ко мне руку тянет и за шиворот норовит схватить, да я бабка шустрая, увернулась. Мимо нее проскочила — и в дверь. Главное — до стула, на котором я из прошлого переместилась, добраться.

Слышу, Маргарита за мной бежит; оглянулась — а это уже не Маргарита, а чудище с синим лицом: щеки надутые и усы торчат, как у кота. Думаю, конец мне пришел, чудище догонит, раздерет когтями. Погубил меня Пашка! Изобретатель чертов.

Упала я на стул, сжалась от страха в комок. Все, смерть моя пришла. Когти острые уже перед глазами видела. Но — так думаю — все секунда решила. Потеряла я сознание, а когда в себя пришла, уже из будущего вернулась.

Со стула встала. Пашка мне говорит:

— С прибытием.

Я на него глазами зыркнула:

— Ты меня, гад, на век вперед запульнул!

— Ого. Ну и как там?

Я воздух полной грудью вдохнула:

— Лучше не спрашивай.

НОВАЯ ЛЕНКА

Иду. Дежурю. Смотрю — рядом с магазином Вера соленья продает. Я решила аджикки у нее купить.

— Привет, подруга, — говорю, — почему аджика?

— Рубль.

— А что так дорого?

— Не хочешь, не бери.

— Ладно, давай, — я рубль Вере протягиваю, но порыв ветра у меня из руки купюру вырвал.

Рубль на снег упал — Вера на него как кошка на мышку прыгнула.

Я говорю:

— Вон как деньги летят, пенсии никакой не хватит.

Вера рубль в карман спрятала, довольная, банку с аджикой подает, спрашивает:

— На выборы пойдешь?

— Какие выборы?

— Новой Ленки.

— Какой новой?

— Вон смотри объявление.

У магазина — доска, на ней объявление висит: «Сегодня в 10.00 в клубе состоятся выборы новой Ленки».

Я чуть дара речи не лишилась. Как же это новую Ленку выбирать? Я еще надеюсь старую найти. А новую выбирать — это признать, что мы старой никогда не увидим. Да виданное ли дело — вместо пропавшего человека другого выбирать? Что это за фантазия? Придумали тоже!

— Ничего не пойму, — говорю, — кому это в голову только пришло?

— Пашке Сазонову, — Вера отвечает. — Говорит: не может поселок без Ленки.

— Ленка — это должность, что ли? — я удивляюсь.

— Ты с Пашкой поговори.

— Поговорю. А ты, подруга, на выборы пойдешь?

— Пойду. Ленка-то, оказывается, важная птица.

— Как глава администрации?

— Бери выше.

Занесла я аджикку домой и в клуб отправилась. Пашка, бездельник, что-то хитрит. Может, он хочет, чтобы Ленка званием стала? «Здравия желаю, товарищ Ленка» или «здравия желаю, товарищ старшая Ленка»?

Ленка, Ленка, не слишком ли много мы о ней думаем? Да кто она такая? Бухгалтером работала. Пропала — и, кажется, ничего не изменилось. Но нет, мне сразу было ясно, что без Ленки — это не жизнь. Вот я ноги и обивала, ее искала. А Пашка решил по легкому пути пойти — новую Ленку выбрать. Понятно — лентяй: ему бы только на печи лежать, а не делом заниматься. Одно хорошо: тоже понимает, что без Ленки на поселке главного чего-то не стало. Она как приводной ремень была — без нее мотор работает, а движение на привод не передается.

Пришла я в клуб. Там уже народа много. Вера с торговли, в сумке банки звякают. Дед Михай с медалью за отвагу на груди — сегодня поскромничал, обычно сразу всеми отцовскими подвигами хвастается. Директор школы Семен Авксен-

твечи в кюestre с галстуком: важный, аж оторопь берет. Я Чувилку глазами поискала: на заднем ряду рож в бородавках. Я к ней не пошла, на первый ряд села. Вопрос серьезный будет решаться — может, мой голос понадобится.

Началось. На сцену Пашка Сазонов вышел.

— Дорогие односельчане, я рад, что вы не остались в стороне. У нас сложное положение, но ваша активность вселяет надежду, что мы снова вернемся к нормальной жизни.

— Говори короче, в чем дело? — дед Михей из зала крикнул.

— Дело в том, что нам нужна новая Ленка.

— Зачем? Для чего? — из зала крики раздались.

— Вокруг Ленки все крутилось, — Пашка объяснил. — Нам ее очень не хватает. Может быть, она еще найдется, но пока кто-то должен ее замещать. Поэтому я предлагаю выбрать новую Ленку.

— Исполняющую обязанности, что ли? — Вера спросила.

— Да, если так понятней.

— А с Жориком она должна жить как с мужем? — Вера снова интересуется.

— Это не обязательно, — Пашка отвечает.

— А зачем новую Ленку Ленкой называть? — я спрашиваю.

— Так привычной. И вообще, Ленка — это имя.

— А если новая Ленка не справится?

— Переизберем.

— Тут дар нужен, — Михей крикнул.

— Но мы должны дать шанс.

— Ерундой какой-то занимаешься. Время у нас отнимаешь, — голоса раздались.

— Ну, давайте попробуем.

— Это чистой воды формализм, — Семен Авксентьевич голос подал.

— Тем более, вы же ничего не теряете, — Пашка продолжал уговаривать.

— Ну, давайте, выберем быстрее и разойдемся, — Вера говорит, — а то мне кур уже кормить надо.

— Ну, давайте, если Павел считает это необходимым, — дед Михей поддержал.

— А кого выбирать-то? — я спрашиваю.

— Кого хотите; я, например, свою жену Аньку предлагаю.

Вот он и раскрылся, тайный умысел: теперь ясно, для чего Пашка огород городил. Анька у него за спиной стоит, она его и подталкивает. Видно, она Ленке завидовала, что ту на поселке все любили. А теперь Ленка исчезла, у Аньки шанс появился в центре внимания оказаться. Но разве можно так напролом идти. Нужно с людьми работать, авторитет зарабатывать. Все это — долгий путь. А она сразу в дамки хочет. В общем-то, Анька — женщина неплохая, но до Ленки ей, конечно, далеко. Может быть, поэтому и хочет подстраховаться административным ресурсом.

— А ты что, Анька, думаешь? — спрашиваю.

— Я что? Если изберут...

Сидит, глаза в пол, а у самой, наверное, сердце стук-стук-стук от волнения: судьба решается. Ждет, затаив дыхание.

— Ну, все согласны? — Пашка спрашивает, — тогда голосуем.

— Нет, — я говорю.

— Почему?

— Чтобы настоящие выборы были, нужны хотя бы две кандидатуры.

— Кого ты предлагаешь?

— Чувилку, — я неожиданно для себя самой выдала.

Вещ засмеялись. И правда, думаю, что я, белены объелась, скромница Чувилка

да место Ленки. Но отступать поздно, слово сказано, иначе авторитет ДНД может пострадать.

— И надо, чтоб сова выбирала, чтобы все по-честному было, — я свою линию гну.

А сама думаю: мне свой человек в Ленках не помешает, правильно я Чувилку предложила.

— Да к сове уже давно никто не ходит, — Пашка Сазонов возразил.

— А зря, — говорю.

Сова-то, если помните, непростая. Время нам экономит: так бы парни долго ходили бы, женихались, а сова припечатает и не надо голову ломать — пирком да за свадьбу.

— Теть Оль, может, не надо все усложнять? — Пашка говорит.

— А что тут сложного, на двух бумажках имена написать?

— Вообще-то, это шутка была с выбором Ленки, — Пашка на попятную пошел.

— А я шуток не понимаю, — ему говорю, — айда к сове.

Шутка не шутка, а почти весь поселок захотел выбор совы узнать. Друг за другом по следам идем, так что колонна через поле до леса растянулась. Наконец, у дуба с дуплом, в котором сова живет, собрались. У бабы Веры в сумке банки звякнули. Я на бабу Веру шикнула:

— Тише, сова испугается, улетит.

Говорили ей: «Оставь сумку», а она: «Своя ноша не тянет», с собой ее потащила.

— Начинай лотерею, — Пашка вполголоса говорит.

Я на двух бумажках имена написала, Юрка Юрчиков на дуб залез и бумажки в дупло бросил: ждем. Так, наверно, славяне у дуба стояли и знака богов ждали в древние времена. Не прошло и минуты, из дупла одна бумажка вылетела. Я ее подняла и развернула. На бумажке было написано: Чувилка. Все на меня смотрят вопросительно.

Я бумажку подняла, говорю:

— Чувилка.

Пашка тоже на бумажку взглянул.

— Хоть поржем, — сказал.

— Смотри, от смеха не лопни.

— Мы Чувилку переизберем.

— Не говори «гоп», — я ему отвечаю.

Анька Сазонова на меня глазами злыми посмотрела. План ее провалился. Сову не проведешь!

Двинулись мы все в обратную дорогу. Я у Чувилки спрашиваю:

— Чувилка, ты хоть рада?

— А что надо делать?

— Улыбайся людям.

У Чувилки рожка в улыбке расплылась. Я посмотрела на нее и говорю:

— Нет, лучше не улыбайся.

Сколько же у нее на лице бородавок!

Вернулись мы на поселок, разошлись по домам. А наутро началось... Как же, размечталась! Ровным счетом ничего не изменилось. Вижу: мужчины идут; на Чувилку не оглянутся, а Ленку, я замечала, всегда взглядом провожали. А женщины у магазина часто о Ленке судачили, а о Чувилке — молчок. Единственный раз слышала — над Жориком посмеялись: на Чувилку показали:

— Вон жена твоя пошла.

Жорик весь покраснел и быстрее прочь зашагал.

Я Юрку Юрчикова подговорила, чтобы он Чувилке на спину бумажку прикре-

пил с надписью «Ленка». Он прикрепил. Ходит теперь Чувилка по поселку под-писанная, а что толку?

— Чувилка, — говорю, — надо что-то делать. Престиж фирмы страдает. До Ленки нам не дотянуться, но надо хоть какое-то внимание на себя обратить.

— Ладно, — Чувилка отвечает, — мне самой эти бородавки надоели.

— А при чем здесь бородавки?

Чувилка мне не ответила, к дому лыжи наострила.

И тут началось. На этот раз правда началось. У нас рядом с поселком пруд. Ребята лед на нем от снега очистили. Каток сделали. Погода хорошая была. Легкий морозец. Небо голубое, облачками подернуто. Снежок сверкающей мошкаррой порхает. Юрка Юрчиков с дружками в хоккей играют. Народ пришел посмотреть. И ладно — мне нечего делать, Семен Авксентьевич — директор школы — мимо шел, остановился. Смотрим мы, как ребята шайбу ловко клюшками гоняют. Увлечлись. Вдруг я слышу, Борька рядом хрюкнул. Обернулась — какая-то незнако-мая женщина стоит. И Борька рядом. Странно, откуда эта женщина взялась? На парашюте, что ли, с самолета прыгнула? Да еще симпатичная такая женщина. Глаза большие, голубые, а кожа на лице такая белая и гладкая, что хочется ее рукой потрогать, как ребенку, которому все надо на ощупь изучить. И эта краси-вая женщина ко мне подходит и говорит:

— Привет, подруга.

У меня глаза на лоб полезли:

— Чувилка?

— Я самая, — женщина голосом Чувилки отвечает.

— Как такое возможно? Вы меня разыгрываете.

Наверное, думаю, Чувилка за спиной красивой женщины спряталась и оттуда говорит. Обошла незнакомку: нет у нее за спиной никого.

— Говорю тебе, это я — Чувилка, — красавица настаивает.

Неужели и правда Чувилка так переменялась? Разве такое бывает? Трудно по-верить. Но Борька красивой женщине пяточком в руку ткнул: значит, признал. К чужому человеку он не стал бы за вниманием обращаться.

— Чувилка? — я с сомнением спрашиваю.

— Да, да, я кожу просто свою сняла с бородавками.

— А зачем ты в ней раньше ходила?

— Заколдовали меня.

— Что?

— Шучу.

(Первый раз в жизни, наверно, Чувилка пошутила; значит, еще не безнадеж-ная.)

— Да кожа не снималась, — Чувилка говорит, — а на днях за гвоздик зацепи-лась, кожа и съехала; чувствую — всю ее можно снять, вот и сняла.

— И... где же она теперь?

— Дома. Я вообще-то временно ее сняла.

Ну Чувилка! Хотела я, чтоб она всех удивила, но такого не ожидала. Слишком резкая перемена, могут не принять. Люди-то у нас к новому трудно привыкают.

Пока мы с Чувилкой разговаривали, на нас народ глазел: о хоккее забыли.

Дед Михей за рукав меня дернул:

— Точно Чувилка?

— Точно. Борька подтверждает.

— Вот это фокус, — дед Михей говорит.

Да уж, думаю, фокус: через полчаса о таком фокусе весь поселок будет знать.

Чувилка по своим делам пошла, Борька за ней следом: хрю-хрю. А я с места сойти не могу, стою как вкопанная.

— Глубокоуважаемая Ольга Ивановна... — Слышу, это Семен Авксентьевич ко мне подошел. — Кто эта женщина?

— Это Чувилка, — я говорю.

— Как Чувилка?

— Вы сказку о царевне-лягушке помните?

— Помню.

— Вот Чувилка и есть та царевна: кожу лягушачью сбросила.

— Почему же она раньше ее не сняла?

— Ждала, когда к ней стрела прилетит.

— Прилетела?

— Ага, дожدهшься...

— Нельзя было такую красоту скрывать!

— Да, красивая.

— Просто богиня.

— Она, между прочим, кожу временно сняла.

— Вы шутите!

— На полном серьезе.

Пошла я тоже домой, думаю — во дела: хотели новую Ленку, а получили новую Чувилку; вовремя она свой фасон поменяла. Теперь Чувилка — козырная дама. Эх, еще бы ей Ленкино острое словцо, вот тогда бы Чувилка прогремела.

Два часа прошло, я чай пью, Юрка Юрчиков в окно стучит. Дверь открыла, а он мне приглашение подает — в клуб на новогодний бал.

— Так Новый год два месяца назад был! — говорю.

— А бала же не было, — Юрка отвечает.

Ну, праздник так праздник; я нарядилась: в клуб иду. На улице темнеет, а клуб окнами всеми светится и снег кругом освещает. Люди у входа толпятся — кто курит, а кто друзей ждет.

Я в клуб вошла. Фойе украшено: гирлянды, лампочки, в центре елка с шариками и игрушками на ветках стоит. Я Юрку Юрчикова увидела, спрашиваю:

— Кто так постарался?

— Семен Авксентьевич всю школу с уроков снял, — отвечает.

Потихоньку фойе наполняется стало. Семен Авксентьевич и тут постарался: всех жителей оповестил. Жорик с бабой Верой пришли, Пашка и Анька Сазоновы, дед Михай. Мне интересно, как все Чувилку в новом обличье встретят.

Семен Авксентьевич здесь же хлопочет, указание дает, где аппаратуру ставить: музыка будет — это хорошо. Я на дверь поглядываю, жду Чувилку; наконец, входит. В розовом платье с узором из золотых роз, на щеках румянец в тон платью, улыбка белозубая, да и фигурой Чувилку природа не обделила; в общем — действительно, красавица. Все в фойе на нее обернулись.

Я громко говорю:

— Чувилка, иди сюда.

Пашка Сазонов глаза вытаращил.

Я ему подмигнула: не ожидал? В обморок только не падай.

Люди рты поразевали. Чувилка смутилась, ко мне не пошла, у входа осталась.

Пашка нахмурился:

— Что вы нас за нос водите?

— Честное слово, это она, — я говорю. — Подтверди, дед, — я деда Михея локтем в бок толкнула.

— Подтверждаю, — дед Михай охотно говорит, — умеют женщины красоту навести, что-то замажут, что-то подрисуют.

— Бородавки не замажешь, — Пашка упорствует.

Я рукой махнула, надоело Пашку убеждать.

Музыка заиграла. Вижу, Семен Авксентьевич к Чувилке подошел, на танец ее приглашает. Та стоит, танцевать не идет. Но Семен Авксентьевич не отступает, за руку Чувилку взял, что-то говорит. Наконец, Чувилка согласилась. Танцуют они с Семеном Авксентьевичем, я Жорику (а он рядом) на Чувилку показываю:

— Отбить не хочешь?!

Жорик нахмурился:

— Я Ленку люблю.

Потанцевали Чувилка с Семеном Авксентьевичем, дискотека началась. Молодежь танцует; кто постарше — свой круг образовали; ну, а бабкам вроде меня — только смотреть. Чувилка — снова у стены, явно не в своей тарелке себя чувствует: все время любопытные взгляды на себе ловит. Семен Авксентьевич исчез куда-то. Я думала, он нам программу развлекательную предложит, Деда Мороза со Снегурочкой; да, видно, времени у него совсем мало было представление организовать. Однако мы все равно развлеклись, да еще как.

Скандал неожиданно случился. Борька каким-то образом в фойе проник в поисках своей любимой Чувилки. Между танцующими стал пробираться, навел шороха. Кто-то упал, суматоха началась, еще Борька хрюкает; а я смеюсь: вот оно — настоящее веселье. Молодец Борька, цирк, да и только. Наконец, до Чувилки добрался, пяточком ей в руку ткнул. Тут некоторые женщины — в крик: уведите поросенка из клуба. И ведь, главное, раньше бы просто над Борькой и Чувилкой посмеялись, а теперь — как с цепи сорвались; особенно Анька Сазонова рассвиrepела.

— Носится со своим поросенком!

— От него вонь идет.

— Совсем уже чокнулась.

— В сарае его запирай, когда в клуб идешь.

— Полоумная!

Ну и в таком духе. Пришлось Чувилке с Борькой из клуба уйти. И я с ними заодно вышла: Чувилку поддержать, ведь неприятно, когда стая дворняжек облеает.

Идем с Чувилкой по дороге к ее дому, сзади Борька бежит: хрю-хрю.

— А я думала, Чувилка, — говорю, — что мы с тобой ровесницы.

— Ошибалась.

— Теперь у тебя, наверно, отбоя от женихов не будет.

— Я дома кожу старую надену, — Чувилка говорит.

— Почему?

— Так привычней.

— На истеричек обиделась?

— Видела, как на меня набросились?

— Ты плюнь на них.

— Они житья не дадут.

— Да, Ленка бы живо их на место поставила, — я вздохнула.

Разговариваем с Чувилкой, а навстречу — Семен Авксентьевич. Непонятно почему с праздника незаметно исчез.

— Многоуважаемая Ольга Ивановна, вы уже уходите?

— Вас нет, кто нас развлекать будет?

— Я должен был отлучиться по неотложному делу. Давайте вернемся в клуб.

— Настроения уже нет.

— Я постараюсь сделать все, чтобы поднять вам настроение.

— Поздно. Других развлекайте.

— Любезная Ольга Ивановна, а почему Ваша прекрасная спутница молчит?

— Из скромности.

— Мне б очень хотелось завоевать ее расположение.

— Завоевывайте.

— А как?

— Не знаю, ну, стихи сочините.

— Стихи, конечно!

Разошлись мы с Семеном Авксентьевичем; он, очевидно, стихи на крыльях любви полетел сочинять. А я решила к Чувилке домой зайти. Одну оставлять не хочу: пока не уверена в ней, вдруг нервный срыв будет. Да и от возвращения в прежний вид надо ее удержать — ведь это настоящая глупость.

Села я за стол на кухню, по порезанной в нескольких местах клеенке пальцем вожу, а Чувилка в комнату ушла, чем-то занялась — и вдруг как закричит!

Я быстрой — к ней:

— Что случилось?

Чувилка на открытый шкаф показывает, говорит:

— Нет.

— Чего нет? — спрашиваю, но уже догадалась: кожи ее лягушачьей нет.

— Кто ее взял? — спрашиваю.

— Не знаю.

— А дверь заперта была?

— Я ее не запираю.

— Значит, кто угодно мог войти.

— Что я теперь делать буду?

— Вопрос: кому твоя кожа нужна?

— Что я теперь делать буду? — Чувилка снова со слезами повторяет.

— Не реви.

— Я уже к ней привыкла.

Я думаю: а ведь есть кого подозревать. Вот какое неотложное дело у Семена Авксентьевича было. Понятно теперь, что новогодний бал он устроил, чтобы Чувилка из дома ушла. Совсем от любви голову потерял; но мне нравится, что он решительно действует: борется за свое счастье.

— Чувилка, — говорю, — тебе Семен Авксентьевич нравится?

— Обходительный, — Чувилка сквозь слезы отвечает.

— Это твой принц. Тебе повезло, а ты хнычешь.

— Хочу в старую кожу.

— Да черт с ней!

— Нет.

В стекло кто-то стукнул; мы с Чувилкой как по команде головы повернули: в окне — Борькино рыло. Снова Борька в стекло стукнул: это знак, войти хочет. Я дверь открыла. Борька в дом вбежал и какую-то тряпку в пасти тащит.

— Это моя кожа, — Чувилка к Борьке бросилась. — Где ты ее нашел?

— Нашел, видимо, там, где ее Семен Авксентьевич спрятал, только зря он это сделал.

Чувилка свою кожу у Борьки взяла.

Я говорю:

— Надо сжечь твой чехол.

— Нет, я надену.

— Дай сюда, — я попыталась лягушачью кожу отнять.

Чувилка не отдает:

— Я в ней тридцать лет ходила.

Я тяну:

— Она больше тебе не нужна.

Чувилка упирается:

— Не дам.

Я как дерну — и кожу порвала.

— Что ты наделала, — Чувилка закричала.

— Теперь точно надо сжечь, — я говорю.

— Я теперь себя голой чувствовать буду, — Чувилка опять в слезы.

— Хватит рыдать, — я спички и бутылку с керосином с полки взяла. — Пошли!

Вышли мы во двор, Борька за нами из дома выскочил: по двору стал круги нарезать, как будто понимает, что мы задумали, и одобряет.

Я кожу керосином облила и подожгла: огонь весело запылал.

— Ну вот, — говорю, — Чувилка, ты новую жизнь начинаешь. Мне даже теперь тебя Чувилкой неудобно называть. Буду Ирккой звать.

(Чувилку Ириной зовут, это я ей такую кличку дала — Чувилка).

— Добрый вечер, — от калитки голос Семена Авксентьевича раздался.

Смотрим, он с бутылкой шампанского во двор входит.

— А вот и принц, — говорю.

— Слушайте стихи, — Семен Авксентьевич к Чувилке обратился:

— Я полюбил тебя навек.

Как повезло мне в жизни!

Меня полюбишь ты, поверь,

Я белый и пушистый!

ЖЕНЩИНА МЕЧТЫ

Иду я по поселку. Солнышко припекает, дело к весне. Скоро снег растает, трава зазеленеет, листочки на деревьях появятся. Живи и радуйся. Я вообще, бабки, думаю, что люди должны не менее ста лет жить и детей иметь возможность рожать до шестидесяти лет. Чтоб природа с молодости над душой не стояла.

Вот, значит, иду я по поселку, а навстречу — Жорик.

— Ленку не нашла, — сразу ему говорю.

— Зря искали, — он отвечает.

— Почему?

— Ее не существует.

— Как это?

— Она мечта.

— Вот те раз! Ты ведь женат на ней.

— Вам так только казалось.

— Ты рехнулся?

— Я знаю только одно, что мечтал о ней всю жизнь.

— Я тебе говорю: Ленка есть.

Жорик плечами пожал:

— Вы себя обманываете.

— Совсем с головой плохо?!

— Зато у меня есть мечта, — Жорик вздохнул и своей дорогой пошел.

А я ему вслед кричу:

— С ума не сходи!

Иду по поселку дальше, а навстречу — Верка, решительно-сосредоточенная. Внешностью ее природа не обидела: лицо без морщинок, а как нарядится, еще и молодым фору даст. А наряжаться любит, хоть и прижимистая. Парка на ней бордовая с отороченным мехом капюшоном — из города привезла, пока дорогу не замело.

— Привет, подруга, — Вере говорю, — куда идешь?

— В школу.

— Зачем?

— К директору. Юрка Юрчиков с дружками за клубом курят. Всего-то — мелочь пузатая, а уже табаком себя травят. Я им замечание сделала, а они ноль внимания. Сказала, что пожалуюсь на них, а они мне в лицо смеются.

— Да, нехорошо, — я соглашаюсь.

— Ничего, я на них управу найду, — грозитя Верка.

— С тобой пойду.

Как-никак, думаю, я в попечительском совете состою.

В школе с Веркой по коридору гулкими шагами идем, неотвратимые: я — закон, она — порядок. В коридоре, по самой середине, портрет Хомякова висит: он эту школу основал, у него имени недалеко было. Здание-то, конечно, новое построили, но на месте старой избы, где крестьянских детей учили. А портрет Хомякова А.С. (так под портретом написано) в коридоре повесили в знак признательности, чтобы напоминал, кто у истоков стоял. Но что интересно: мне показалось, когда мы с Верой по коридору мимо портрета проходили, что у Хомякова глаза загорелись. Только тут же я себя одернула: это просто солнечный луч на лицо Хомякова упал.

Зашли мы с Верой к Семену Авксентьевичу. Тот из-за стола встал:

— Чем обязан, многоуважаемые Вера Ивановна и Ольга Ивановна? Случилось что?

— Случилось, — Вера, не здороваясь, говорит, — ученики курят.

— Не волнуйтесь, я приму меры, — Семен Авксентьевич пообещал и до двери нас проводил. — Спасибо, что не прошли мимо.

— А может, родителей их вызвать? — Верка в дверях остановилась.

— Я сам попробую на них повлиять, — Семен Авксентьевич ответил.

Пока мы по коридору к выходу шли, я еще раз на портрет Хомякова взглянула. Глаза его уже не горели, но мне показалось, что на лице появилась довольная, с хитринкой, улыбка, которой раньше не было.

По поселку идем, Верка никак успокоиться не может:

— Безобразия, куда только родители смотрят. Мой бы Жорик курил, я бы ему руки оторвала.

Идем мы с Верой дальше, а навстречу Чувилка на Борьке едет. Поросянок как ветер летит. У Чувилки лицо серьезное, возле нас резко затормозила. Борька пятячок кверху поднял и хрюкнул.

— ЧП, — Чувилка говорит.

— Что случилось? — мы с Верой в один голос.

— Хомяков пропал, — Чувилка докладывает.

— Как пропал?

— С портрета.

— Не может быть.

— Семен Авксентьевич сейчас сказал.

— Но как пропал?

— Стул, на котором он сидел, на картине есть, а Хомякова на стуле нет.

— Шутишь?

— Семен сам ничего не понимает.

Семен Авксентьевич для нее уже Семен, я для себя отметила; быстро у них отношения развиваются.

— Комиссия весной из города приедет на инвентаризацию, у нас по документам картина с Хомяковым числится, а не со стулом, — я говорю.

— Сразу статья: хищение государственного имущества, — Чувилка вздохнула.

— Хомяков не имущество, — я возразила.

— Надо Хомякова на том же месте снова нарисовать, — Вера предложила.

— А где художника найдем? — Чувилка спросила.

— Пашку Сазонова попросим, — я предложила.

— Чтоб он Хомякова с тремя ногами или двумя головами нарисовал. Не надо, —

Вера фыркнула.

— Мы не о том говорим, — я руку к щеке приложила, — что происходит? Сначала Ленка пропала, теперь — Хомяков с портрета.

Чувилка на Борьке уехала, а мы с Верой стоим у пруда.

— Может, это знамение о конце света, — Вера говорит, — что Хомяков с картины пропал?

Несколько секунд мы с Верой в глаза друг другу глядели. Потом я взгляд отвела.

— Нет, не верю.

— Слушай, подруга, — Вера говорит, — может быть, Чувилка врет?

— Чувилка никогда не врет, — я отвечаю. — А вот и доказательство, — и рукой показываю.

По улице шел человек, которого я сразу узнала: Хомяков — один в один, как на картине. В сюртуке, брюки узкие, старомодные, без шапки — да что ему будет, он же живопись.

Хомяков к нам подошел, на меня мельком взглянул и сразу к Вере обратился:

— Сударыня, какая невероятная встреча!

— Действительно, невероятная, — Вера отвечает.

— Поразительно, я именно такой Вас и представлял!

— Какой?

— Вы женщина моей мечты, я понял это, как только сегодня увидел Вас в школе.

— И поэтому из картины выпрыгнули?

— Сударыня, я сражен Вашей красотой. Разрешите засвидетельствовать Вам мое почтение. Вы моя Семирамида. Можно я буду Вас так называть?

— Почему Семирамида?

— Это была древняя царица. У нее был висячий сад, в котором она жила как в раю. Может быть, слышали?

— Нет.

— Я Вам расскажу про нее, разрешите Вас проводить?

Вижу, Верка собралась с ним уходить, я ее за локоть взяла и на ухо ей шепнула:

— Смотри, он тебе наговорит.

— А я ведь могу барыней стать, — Вера плечи расправила.

Я в ответ только рукой махнула: вижу, ей польстило внимание — вид самодовольный, словно уже воцарилась на поселке.

Итак, Вера с Хомяковым ушла, а я думаю: второй раз уже сегодня слышу про женщину мечты, но Жорик свою Ленку любит, тут к гадалке не ходи, а Хомяков еще должен доказать серьезность своих намерений.

Прошла я весь поселок, на краю поля постояла — и обратно: Чувилке смену сдавать надо, да и не терпится рассказать ей о явлении Хомякова народу, о том, как он любовью к Вере воспыал, а Верка икру ложками есть собралась, как барыне полагается. Иду к Чувилке, мысли в голове роятся о том, как много у нас на поселке любви: Жорик без Ленки страдает, у Чувилки с Семеном Авксентьевичем роман, Хомяков Верку женщиной своей мечты назвал. Но это хорошо: любовь — лучшее, что есть в этой жизни, думаю я так, — и тут на меня из переулка Хомяков наскочил; тоже, наверно, задумался: влюбленные часто рассеянными бывают. Столкнулись мы с ним, и я в снег упала.

— Извините, сударыня, — Хомяков мне руку подал, помог встать. — Кстати, Вы не знаете, где взять цветы?

— А луна с неба тебе не нужна?

— Нет, только цветы.

Сказал и пошел дальше своей дорогой, а я ему вслед пальцем у виска себе покрутила. Хотя мне понравилось, что он о цветах подумал, чтобы сердце женщины завоевать. Букет подарить — это вроде самое простое. Но только не зимой. Перед зимним букетом ни одна женщина не устоит.

Мечтать, как говорится, не вредно, но... через полчаса встречаю опять Хомякова, а в руках у него роскошный букет пионов. Чудеса, да и только! Откуда их взял? Вот ведь действительно — влюбленным море по колено.

Хомяков улыбнулся мне:

— Моей Семирамиде.

Хотела я его спросить, откуда цветы, да тут меня осенило. Как же я сразу не догадалась! Все просто: в школе еще одна картина висит — «Пионы в летнем саду». Если Хомяков из картины вышел, что ему стоит в другую картину войти и нарвать в ней пионов? Молодец, сообразительный, вот уж впрямь луну с неба достал. Повезло Верке с поклонником.

Обедать пора; я дома быстро суп похлебала, стакан чая выпила — и снова на улицу: чувствую, сегодня много интересного случится. У тех, кто столько лет ДНД отдал, интуиция есть. Да и так рассудить: каждое событие имеет последствия, а если событие необычное, то и последствия будут из ряда вон выходящие. Оживший портрет — это, конечно, необычное событие.

У пруда стою. Юрка Юрчиков с друзьями в хоккей играет. Так увлеклись ребята, что вокруг ничего не замечают. Посторонний человек по поселку ходит, а они даже в его сторону не поглядят, носятся с шайбой, хоть бы обратили внимание на старинную одежду.

Смотрю — Верка шествует горделиво; видно, ей тоже, как и мне, дома не сидится: поделиться переменах в личной жизни с кем-то хочется, но со мной что делиться, я и так все знаю. Хотя, может, и не все.

— Подарил Хомяков букет? — я Веру вопросом остановила.

— Подарил, — она отвечает.

— Что сказал?

— Что я его мечта.

— Это я уже знаю, а что еще?

— Предлагал путешествовать по миру.

— Из поселка же не уехать.

— Предлагал улететь.

— Как? — я удивилась.

В этот момент шайба к нам отлетела. Юрка Юрчиков за ней прибежал, и надо было до такого додуматься: Вере язык показал. Дурацкая выходка; не иначе, черт его дернул. Забыл, с кем имеет дело? Верка, конечно, рассердилась:

— Я до тебя доберусь! — Кулаком вслед Юрке машет.

И тут — яркая вспышка, грохот, сначала ничего непонятно было, потом уж сообразила: это метеорит разбил лед на пруду. Хорошо, в саму Верку не попал. Падение небесного тела в момент, когда Вера вышла на лед, — событие столь маловероятное, что его смело можно отнести в разряд необычных. Следовательно, мои ожидания сбывались. В момент взрыва меня словно кто-то толкнул в грудь, и я на снег рухнула. Но через секунду была уже на ногах. Верка в воде барахтается: тонет.

Я кричу:

— Помогите, помогите!

По берегу бегая, а сделать ничего не могу. Счет на секунды идет, одежда у Верки намокнет и на дно потянет. Вижу — дед Михей к нам спешит, да пока он на

своим протезе докултыхает, Вера утонет. Ой, беда, беда, человек погибает. У Верки лицо белым сделалось — то ли от холода, то ли от страха. Но пришло спасенье: Хомяков как будто специально момент выжидал. Объявился рядом со мной, а в руках штaketина.

— Держи меня, — кричит, — за сюртук!

Я за полу сюртука его ухватила, а он наклонился, так, чтобы близко к краю полыньи не подходить, и штaketину Верке протянул. Вера едва достала конец штaketины, но вцепилась в нее крепко. Я упираюсь ногами, Хомяков тоже напрыгается, но Верка тяжелая: утонуть ей не даем, а вытащить из воды не можем. Силы у нас кончатся, что тогда? Главное, мы ее к краю полыньи подтянули. Хомяков на лед лег, ближе к Вере подполз: рискует, под ним тоже может лед провалиться. Верка руку протянула, Хомяков за нее схватился и назад стал отползать; тут, к счастью, дед Михей подоспел. Он за одну ногу Хомякова тянет, я за другую. Вытащили вместе Веру, как репку в сказке. Она на берегу стоит, вся дрожит, вода с нее льет.

— Надо же... я... как такое... — лепечет. — Спасибо вам всем... — Вера разрыдалась.

— Вот кого должна благодарить, — дед Михей тулуп расстегнул, у себя с пиджака медаль за взятие Берлина снял и Хомякову на грудь повесил.

Я прослезилась; только непонятно: при чем здесь Берлин? Но факт: Хомяков награду заслужил. Хотя важнее для него, что за то время, когда он Веру из воды вытаскивал, большой путь к ее сердцу прошел.

Дома Верка в сухое переоделась, а я чай заварила. Сидим, пьем чай с малиной. У Веры чашка в руке дрожит.

— Успокоиться не могу.

— Понятно, такое пережила.

— Да, если б не Хомяков... — Вера вздохнула.

— Герой.

— Достойный мужчина.

Верка зевнула. Я говорю:

— Ложись спать, завтра я найду проведать.

Вышла я от Верки. Уже ночь. На небе звезды. Вот так любишься ими и не думаешь, какая опасность из космоса грозит. В любую минуту сверху небесный камень может упасть, как сегодня метеорит в пруд. Хорошо еще, что эти небесные камни редко падают. И вообще, нам везет, ведь если подумать, во всей огромной Вселенной есть только узкая полоска на планете Земля с умеренным климатом, где мы тут живем. Это здорово! Но главное, у нас постоянное разнообразие: то удовольствие от первого морозца осенью, то радость от припекающего солнца ранней весной. Вот оно, настоящее счастье!

Пришла я домой и сразу спать легла, устала за день.

Утром встала: хозяйством занялась, пыль вытерла, полы помыла, суп сварила. Смотрю на часы: время восемь. Пора к Вере идти: обещала проведать.

На улицу вышла, морозец бодрит: хорошо. Гляжу — навстречу Семен Авксентьевич идет, шагами хрустит.

— Здравствуйте, Семен Авксентьевич.

— Здравствуйте, глубокоуважаемая Ольга Ивановна.

— Хомяков на картину вернулся?

— Нет.

— Значит, какой-то сюрприз для своей Семирамиды готовит.

— Семирамиды?

— Он так Веру называет.

— Так книга его называется, которую он писал тридцать лет: «Семирамида».

В ней 1700 страниц.

— О чем книга?

— Лучше учительницу литературы спросить, я по образованию математик.

— Подумать только, сколько же он бумаги за тридцать лет перевел, — я вздохнула.

Пришла я к Вере, а она во дворе белье на веревку вешает. Ну, думаю, если дела-ми занялась, значит, в себя пришла. Уверенная в себе, оно и понятно: даже Хомяков из картины выпрыгнул, как ее увидел. Красотой, как веревкой, мужчин к себе привязывает.

— Да, говорю, подруга, вот что значит — нет худа без добра. Нам из поселка не уехать: дорогу замело; но и сюда никто добраться не может. В другое время сразу бы ученые примчались — метеорит изучать, а за ними бы любопытные хлынули.

— Жалко не хлынули, — Вера говорит.

— Почему?

— Мы бы сувенирами торговать стали.

— А порядок? Как за незнакомыми людьми уследишь, тут за своими-то не всегда получается. Вечно что-нибудь происходит.

Сказала я так и словно сглазила. Такое произошло, что просто в голове не укладывается. Вдруг темнеть стало, словно солнечное затмение началось. Я вверх посмотрела: матушки мои, а в небе какая-то круглая громадина медленно движется, и тень ее на нас наползает. Непонятно, что это и как в воздухе держится? Громадина над пустырем, за домом Веры, сначала зависла, а потом опустилась. Мы с Веркой — на пустырь. Видим — а это остров-сад. Деревья на нем растут. Странно среди зимы зелень видеть. И главное, птицы в этом саду поют: воздух от их голосов звенит. Мы ближе подошли. На клумбах — цветы: фиолетовые, желтые, розовые. Краски лета напоминают, что зима не вечна. Смотрю я на этот зеленый массив и думаю: ведь деревья — это хаос из веток и листьев, никакой гармонии. Почему они тогда глаз радуют? Загадка.

Мы с Верой стоим как зачарованные, вдыхаем ароматы цветов. В саду — беседка, увитая плющом. Из нее Хомяков выходит. Нам кланяется.

— Доброго здравия, сударыни.

— Здравствуйте, — мы в один голос с Веркой поздоровались.

— Это всячий, а точнее — парящий сад, моя Семирамида, — Хомяков к Вере обратился.

Верка в ответ довольно засмеялась.

— Взойди — и полетели, — Хомяков лесенку с острова спустил.

— Ну, я не знаю, — Вера не торопится соглашаться.

— Прошу, мадемуазели, — Хомяков нас двоих с Верой галантно приглашает.

— Полетишь? — я Верку спрашиваю.

— Полечу. А ты?

— Нет, высоты боюсь, — я соврала.

— Я ненадолго, мне еще кур кормить, — Вера по лестнице полезла.

Как это романтично, думаю, на летающем острове свою любимую женщину в небо умчато. Страсть как люблю романтику! Будут они лететь над лесами и полями, взявшись за руки. Хотя внизу один снег — чем любоваться?

Хомяков лесенку убрал и ушел в беседку. Вера мне рукой помахала. Громадина задрожала, загудела и пришла в движение; стала подниматься, но поднималась недолго. На высоте трех метров что-то в ней заскрежетало, и остров завис над землей. Хомяков на миг появился с озабоченным лицом.

— Пять минут, — сказал и опять в беседке скрылся.

Пытается, видно, понять, что случилось.

Минут десять прошло, Верка на краю острова-сада стоит.

— Хорошо полетали, — говорит.

— Починит, — я ее успокаиваю.

— Вот старая дура, — Вера себя ругает, — согласилась по небу шлындать, а куры не кормлены... Может, ты кур покормишь?

— Я не знаю, где у тебя корм.

— В сарае справа, сразу у входа, сходи, покорми.

— Ладно, — я вздохнула, — чтоб ты не переживала.

Хотела я в сарай пойти, но не успела. Проблема, как Верке на землю вернуться, решила сама собой. Остров так резко в сторону дернулся, что Вера, которая стояла на краю, не удержалась и упала вниз. Хорошо еще снег на пустыре глубокий. Верка в сугроб спланировала. Я ее мысленно с мягкой посадкой поздравила. Вера поднялась, вся в снегу, но руки, ноги двигаются.

— Черт безрукий, — кричит.

И остров улетел. Я видела, как Хомяков смотрел вниз с виновато-растерянным видом. Между прочим, в этот же день он снова на портрете в школе появился. И что интересно — с медалью за взятие Берлина, которую ему дед Михей повесил. Может, забыл ее с куртки снять, а может, и не захотел. Приятно ему, наверно, что наши Берлин взяли.

НЕБЕСНЫЕ ГОНКИ

Ночью мне что-то не спалось, решила я снова Ленку пойти искать. Можете не сомневаться: я от своего не отступлюсь, пока Ленку не найду — не успокоюсь. Ведь ясно: грош цена ДНД, если дружина слово свое не сдержит.

Вышла из дома:

— Хлеба кус да квас — вот мой скудный запас.

На улице красота. Если тремя словами описать — тишина, безветрие, покой! Даже собаки почему-то не лают. Небо словно до самой земли опустилось: звезд — тысячи!

Иду я по поселку, и кажется мне: я в сказку попала. Сказка и есть: Вера из трубы своего дома верхом на метле вылетает. Как ракета в небо устремилась! Я голову запрокинула: может быть, это обман зрения? Нет, Вера в небе кренделя крутит!

И ладно бы просто летала: Вера еще звездами слово «дура» выкладывает.

Ясно, кого она имеет в виду. Вот скандалистка! Но мы еще посмотрим, кто победит!

Вижу — Чувилка на своем поросенке едет. Борька хрю-хрю — морда поросенка!

— Чувилка, — кричу, — честь ДНД задета!

— Как?! — Чувилка рядом со мной затормозила.

— На небо посмотри.

Чувилка взгляд к звездам подняла:

— И то правда!

— Что делать? — спрашиваю.

— Садись на санки.

Я, недолго думая, на санки — прыг:

— Ирка, гони!

Чувилка поросенку кричит:

— Борька, взлетай! — и уздечку отпустила.

Поросенок припустил со всех ног; я Чувилку за пояс обхватила — едва держусь! Глаза в сторону скосила: а мы уже летим. Вот прохожие удивятся: над заборами и

домами, над деревьями и кустами по небу летит свинья, запряженная в сани. Я в Чувилку вцепилась, чтоб не упасть: высота-то немалая, свалишься — костей не соберешь. А Борька только скорость набирает — у меня в ушах ветер свистит.

Я из-за спины Чувилки выглядываю: мы уже Веру догоняем. Молодец, Борька, не уйдет от нас эта ведьма.

Вдруг у меня звезда над ухом просвистела; я голову пригнула — ох, страсть какая! Тут еще одна звезда по руке чиркнула; смотрю — а это Вера звезды, которые под руку попались, в нас бросает: затеяла сраженье!

Вера на бреющем полете вниз пошла, но Борька не отстает. У меня от такой скорости дух перехватило; еще сильней в Чувилку вцепилась, зажмурилась: все, думаю, нам конец; до десяти досчитала — уже разбиться должны, но пока летим. Глаза открываю — Верка над самыми верхушками деревьев вверх повернула, Борька тоже мертвую петлю сделал, снова за бабой Верой гонится. Долго мы так с Верой состязались: она неутомимая — у Борьки сил много. Нашла коса на камень: никто отступать не хочет. Но вечно так продолжаться не может: стала уставать ведьма. Смотрю — все чаще на нас оборачивается: где мы?! Но от ДНД не уйдешь! ДНД — это правда, а от правды не убежать...

Наконец, Вера в трубу своего дома скрылась. Можно сказать, сдалась. Поле боя за нами осталось. Ура! Победа!

Вдруг слышу — кто-то поет; только не пойму, откуда голос доносится? Вокруг оглядываю — звезды да луна. До земли далеко. Загадка.

— Слышишь, поют? — Чувилке говорю.

— Слышу, — Чувилка отвечает.

— А где?

— На луне вроде.

— Летим, посмотрим.

Подлетаем к луне. Она желтая, вся в буграх, размером с мой дом. Глядим — на одном бугорке Ленка сидит; руками колени обхватила и поет.

— Ленка, — я кричу, — мы же тебя обыскались. Предупредила бы хоть.

— Прости, баб Оль, не хотела, чтоб мне мешали.

— Ладно, Ленка, не будь одиноличницей. Садись на санки, а то Жорик без тебя совсем с катушек съедет.

— Жорик? Лечу, баб Оль! Смотрите: восток заалел, звезды тают — мы долгожители по сравнению с ними...

